Елена Арсеньева

Любовь колдуна

Любовь и тайна

Елена Арсеньева

Любовь колдуна

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Любовь колдуна / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2018 — (Любовь и тайна)

ISBN 978-5-04-092270-3

В 1937 году раскрыт заговор оккультистов, целью которого было убийство Сталина. И вот теперь специалистов по оккультным наукам нет, и даже помогавшие им колдуны уничтожены – но их дети чудом выжили. Охраняемые некоей таинственной силой и разлученные друг с другом, они выросли в чужих семьях, получили новые имена. И первым о своих удивительных способностях узнал мальчик… Что принесет ему этот дар, доставшийся в наследство от отца Дмитрия Егорова по прозвищу Гроза?..Книга также выходила под названием «Пропавшие наследники».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092270-3

© Арсеньева Е. А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 56

Елена Арсеньева
Любовь колдуна

© Арсеньева Е., текст, 2018
© Чернова Е., иллюстрация на переплете, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Есть на небесах Бог, открывающий тайны.
Книга пророка Даниила

Старая история! Но старые истории долго живут, гораздо дольше, чем это кажется с первого взгляда.
В. Каверин

Москва, 1937 год

Гроза распахнул дверь черного хода и взлетел на третий этаж.

Задохнулся, схватился за виски: кровь бешено стучала в голове. Он бежал всю дорогу. Хорошо, что от Малой Лубянки до их Фролова переулка совсем близко! Он добрался быстро.

Плохо, что так близко! Потому что те, кто преследует его, тоже будут здесь совсем скоро.

Гроза не обольщался. Тот, с кем он столкнулся, выбираясь из подвала, узнал его. Еще бы не узнать… Наверняка он вызвал помощь, и теперь за беглецом послана погоня.

А Вальтер? Среди тел, которые лежали, продырявленные пулями, на полу в подвале, Гроза не видел его тела. Впрочем, у него не было времени вглядываться в тех, кто скрыт под черными мантиями.

Но может быть, Вальтер опоздал, как опоздал он сам?! Может быть, ему посчастливилось спастись?

Мысль о том, что старинный друг, так внезапно возникший в его жизни и так резко нарушивший ее течение, заранее знал о готовящейся операции и не предупредил об опасности ни его, ни кого-то другого, Гроза отогнал.

Сейчас это не важно. Сейчас вопрос стоит о жизни или смерти.

Успела ли жена собраться? Гроза послал ей страшное известие четверть часа назад, едва выбравшись из той проклятой квартиры.

Ох, как болит голова, как жжет глаза… Чтобы спастись, он истратил слишком много сил. Еще хорошо, что не потерял сознание в том страшном подвале!

– Это странно, – пробормотал Гроза, не соображая, что говорит, о чем говорит. – Это очень странно…

Остановился, на мгновение прильнул лбом к холодной крашеной стене.

Лиза… приняла ли она его посыл? Приготовилась ли к бегству?

Сквозь грохот крови в ушах он услышал, как наверху слабо скрипнула дверь, – и тотчас ужас, которым была охвачена Лиза, накрыл его, словно темное одеяло.

Гроза тряхнул головой, чтобы освободиться, глубоко вздохнул и, цепляясь за перила, потащил себя наверх.

Дверь была приоткрыта.

Жена в легком пыльнике[1] стояла в коридоре, прижавшись к стене. Видимо, в спешке она небрежно заколола косы вокруг головы, и одна свешивалась на грудь. Лиза дрожащими пальцами теребила распустившийся конец.

Как он любил ее косы!..

Увидев, в каком состоянии Гроза, Лиза тихо вскрикнула.

Он вытер слезящиеся от боли глаза, быстро наклонился и поцеловал ее дрожащие губы. Отдельно поцеловал любимую родинку в уголке рта.

Шепнул:

– Готова? А дети?

Лиза кивнула в сторону комнаты. На краю дивана лежали два младенца, туго запеленатые в серые одеяльца. Одно перевязано голубой лентой, другое – розовой.

Голубая лента – у Сашки. Розовая – у Женечки.

Гроза слабо улыбнулся: даже сейчас Лиза оставалась верна себе! Ему приходилось видеть медиумов[2], которые и в обычной жизни ведут себя так, словно они не от мира сего. Лиза никогда не была такой. Ее педантичная аккуратность всегда и забавляла и восхищала его. Можно не сомневаться, что она сложила в сумочку все документы и деньги, не забыв ни купюры, ни монетки, а в чемодане и рюкзаке, которые стоят около дивана, тщательнейшим образом собраны взрослые и детские вещи.

Конечно же, приготовлены термос с горячей водой, мягкие салфетки, чтобы обмывать новорожденных, и бутылочки с детским питанием заграничной фирмы и несколько коробок с волшебной сухой смесью для кормления младенцев «Nestle».

У Лизы пропало молоко неделю назад, на другой день после возвращения из роддома. Кормилицу брать не решались: чужие глаза в их доме при их работе могли быть опасны. По этой же причине пришлось отказаться от няньки. Лизе одной приходилось нелегко. Детское питание приносили с молочной кухни, которая, на счастье, размещалась в торце того же дома Губонина (даже и теперь, по прошествии двадцати лет после революции, дом в обиходе называли по имени прежнего владельца), где жила семья Грозы. Однако он еще до родов жены не упускал случая с помощью знакомых из Внешторга прикупить в «Торгсине»[3] чудесную молочную муку «Nestle».

Может быть, это спасет жизнь его детям…

Лиза вдруг насторожилась:

– Поднимаются по парадной лестнице! И по черной тоже!

Гроза и сам уже почувствовал, что оба пути к отступлению отрезаны.

Метнулся к окну, глянул во двор.

Возле парадного крыльца сверкала в лунном свете лакированными боками черная «эмка». Рядом настороженно топтался шофер, не сводя глаз с парадного и держа наготове «наган».

Гроза мысленно возблагодарил Бога за то, что машину поставили именно здесь, а не около черного хода. Значит, они с Лизой проходными дворами смогут уйти на Сретенский бульвар, а там…

Поживем – увидим.

---

[1] Так в описываемое время называлось легкое летнее пальто из плотной, но тонкой ткани, что-то вроде плаща без подкладки. *(Здесь и далее прим. автора.)*

[2] В опытах по передаче мыслей на расстоянии или гипнозу медиумами называют людей, принимающих команды индуктора – человека, внушающего мысль или действие. У последователей спиритуализма медиумы – особо чувствительные люди, которые являются связующим звеном между двумя мирами: материальным и духовным.

[3] В 1931 году в СССР открылись магазины «Торгсина» – Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами. Эти магазины обслуживали иностранных туристов или специалистов, а также советских граждан, имеющих наличную валюту или золото и драгоценности, которые можно было обменять на потребительские товары.

Если поживем, конечно.

– Иди сюда. – Гроза притянул жену к себе. – Приготовься. Сначала обезвредим тех, кто идет по черной лестнице. Заставишь их войти в квартиру под нами и потребовать запереть оба входа.

Лиза рванулась было к детям, но Гроза удержал ее:

– Нет. Сначала внушение. Если будешь держать на руках ребенка, будешь думать о ребенке. Не волнуйся. Как только они войдут в соседскую квартиру, они должны замереть до произнесения сигнального слова[4]. Ты знаешь какого. Соседей обездвиживаем тоже.

Взял жену за руку и глубоко вздохнул. Закрыл глаза – и сразу увидел мысленным взором этих двух низкорослых людей в кожаных куртках и милицейских фуражках.

Гроза физически ощущал волны, исходящие от него и от жены, и восхищался ее решимостью. Впервые сила Лизы была направлена не на подопытное животное с открытым сознанием, а на людей, которых она воспринимала как врагов!

И тотчас он услышал стук в дверь квартиры этажом ниже и громкий голос:

– Откройте, милиция!

– Передай мне вещи и бери детей, – шепнул он Лизе, ни на миг не отвлекаясь от того, чтобы держать напряженным луч внушения и то и дело пронзать им восприятие этих двоих.

Снизу доносились робкие голоса перепуганных соседей.

Но вот милиционеры вошли в квартиру.

Раздался скрежет ключа в замке. Путь был свободен.

Теперь не медлить!

Гроза пропустил жену на площадку, закинул рюкзак за плечо, схватил чемодан.

– Жди меня на втором этаже, – пробормотал, с трудом подавив стон: такая боль пронзила вдруг голову.

Слишком много для одного дня! Если бы не тот ужас, который пришлось испытать на Малой Лубянке, он чувствовал бы себя сейчас гораздо бодрей. Там он бросил слишком много «огня»… Там он почти исчерпал свои силы.

Нет, нельзя ослабеть!

Гроза двинулся к парадной двери, ощущая, как его качает из стороны в сторону и все плывет перед глазами.

Устал!

Но уставать он не имеет права.

Эти трое агентов, которые идут снизу… Если они умеют защищаться, если у них есть металлические сетки, которые отражают мыслительные посылы, все пропало!

Гроза внезапно вспомнил, как ему самому пришла в голову мысль использовать металл для защиты от посторонних излучений. Это было 30 июня 1918 года на заводе Михельсона. Если бы тогда им с Трапезниковым удалось совершить то, что они намеревались, вся их жизнь сложилась бы иначе. И не только их жизнь, но и жизнь всей России.

Они потерпели тогда неудачу. И сегодня эти благородные герои-идеалисты тоже потерпели неудачу…

Неужели прав был Трапезников, когда говорил о воле Времени?!

Стоп. Некогда тратить драгоценные секунды на воспоминания! Он обдумает все это позже, если останется жив.

Вот именно!

Если останется жив… А за это нужно еще побороться.

Свободной рукой Гроза крепко стиснул лоб, силясь мысленным взором разглядеть возможную преграду.

---

[4] Современные мастера гипноза и внушения обычно применяют термин «кодовое слово».

И облегченно перевел дух.

Агенты пришли без сеток! Это обычные оперативники! То, что случилось на Малой Лубянке, их не насторожило.

Ну что же, тем хуже для них.

Гроза приказал агентам замереть и стоять так, пока они не услышат сигнальное слово.

Шатаясь, преодолевая дурноту, снова пробежал к черному ходу, выскочил на площадку, захлопнул английский замок, стараясь сделать это как можно осторожней.

Почти скатился по лестнице, краем уха услышав, какая тишина царит на третьем этаже.

И тут его накрыло…

Чья-то тупая воля скомкала мозг, стиснула его с такой силой, что у Грозы от боли подкосились ноги, а в глазах взметнулась красная кровавая волна.

Кто-то вступил в бой? Может быть, Павел? Это его воля?!

Нет. Павел давно уже ни на что не способен. Единственный, кто мог бы помериться с Грозой силой внушения, – это Барченко[5]. Но Александр Васильевич никогда не стал бы с ним сражаться. А главное – он ведь арестован еще полмесяца назад. Именно его арест стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Грозы. После этого он и начал поддаваться на уговоры Вальтера и наконец согласился встретиться с ним и с его друзьями…

Встреча должна была состояться сегодня. И вот чем она обернулась. Снова кровь резко прилила к голове. Гроза вцепился в перила, чувствуя, что вся левая сторона разом онемела.

Нет, понял он, это не какой-то могучий враг сражается против него! Это его собственный мозг взбунтовался.

– Митя! – раздался испуганный шепот жены, показавшийся оглушительным.

– Не кричи… – с трудом выдавил Гроза, но тут же едва не оглох от собственного голоса.

Хватило сил понять, что никто не кричал. Это ему кажется.

Да, плохи дела…

– Лиза, идем, – пробормотал Гроза, с ужасом ощущая, что ноги почти не слушаются, а рот ведет на сторону. – Нет, погоди… Мне плохо. Помоги.

Лиза сразу поняла, что надо делать.

Уставилась ему в глаза странно посветлевшими в сумраке подъезда зелеными глазами, но Гроза тотчас зажмурился:

– Нет, не надо, не трать свои силы. Они еще пригодятся. Я сам.

Невероятным усилием воли дал себе посыл идти.

Обогнал Лизу, побрел вперед, чуть прихрамывая.

Мозг, чудилось, плавал в горячем тумане, силы уходили с каждым шагом, воля меркла, но Гроза не мог принять помощь жены. Через несколько минут ей придется рассчитывать только на себя. Прозрение, которое раньше ускользало, вдруг открыло черную дверь, за которой стояла его, Грозы, скорая и неминуемая смерть.

Та самая, которую он когда-то видел во сне. Та самая, которая была ему предсказана седым хиромантом с Арбата…

Он забыл об этом на долгие годы, но вспомнил сейчас.

И вновь зазвучали в памяти прощальные слова Трапезникова: «Мы должны будем принять победу или поражение с одинаковым смирением, потому что такова воля Времени. Прощай, Гроза! И помни: mors meta malorum. Смерть – конец страданий!»

Да. Конец страданий. Скорей бы…

Лизу тоже убьют. И для нее смерть тоже станет спасением.

---

[5] Ба́рченко Александр Васильевич (1881–1938) – оккультист, писатель, исследователь телепатии, гипнотизер. Сотрудничал со спецотделом ГУГБ НКВД. Арестован в мае 1937 года по обвинению в создании масонской контрреволюционной террористической организации «Единое трудовое братство» и шпионаже в пользу Англии. Расстрелян.

А дети?!

– Зови Марианну, – пробормотал Гроза. – Зови!

И потащился вперед, недоумевая, почему так тяжело идти. Только уже когда вышли на Тургеневскую площадь, сообразил, что мешает чемодан.

Гроза знал, что чемодан им с Лизой больше не пригодится, но потребовалось пройти еще не меньше квартала, прежде чем он нашел силы разжать непослушные пальцы.

Сзади слышались неровные шаги Лизы: она еле брела. Гроза наконец остановился, хотел что-то сказать, подбодрить ее, но не смог.

Он тупо глядел на открывшийся перед ним Сретенский бульвар. Мигала вывеска кинотеатра «Хроника», и Гроза вдруг вспомнил, что в пору его детства этот кинотеатр назывался «Гранд-электро», потом – «Фантомас», затем – «Искра», а «Хроникой» он стал только год назад, в тридцать шестом. Они с Лизой смотрели там фильм… фильм…

Больше ничего вспомнить не удалось – снова ударила в виски кровь, и Гроза упал на обочину.

Лиза неловко повалилась рядом с ним на колени, чудом не уронив детей. Вгляделась в странно скривившееся лицо мужа, заметила его неловко вывернутую руку…

И ей стало холодно от страха.

Удар! Это удар. Мозг Грозы не выдержал напряжения.

– Ли… Ли… за…

– Митя, я здесь.

Говорить он уже не мог, однако мог еще думать – думать из последних сил. Мог еще просить мысленно…

Да Лизе не надо было ничего объяснять! Если их арестуют, что ждет детей? Сашку и Женечку?

Они еще крошечные совсем. Они даже не успели запомнить своих маму и папу. Им и забывать-то нечего! Они еще беспамятны: это два чистых листка, на которых можно написать что угодно, добро или зло.

Добро?!

Какое «добро» напишут на этих листках те, от кого пытаются спастись они с Грозой?

– Митя, нам не уйти, – сказала Лиза. – Ты понимаешь?

Он издал какой-то невнятный звук, и Лиза догадалась, что сил у него осталось совсем мало.

Гроза просил бросить его, бежать, но куда она побежит с двумя младенцами? Да по ее следам будут брошены все силы НКВД! Ей не уйти.

А потом? Залитая чужой кровью стена в каком-нибудь подвале? Или лагерь, куда она попадет сумасшедшей от пыток старухой?

Но главное – дети! Их надо спасти!

«Марианна! Марианна!» – мысленно звала Лиза сестру.

Отклика не было.

Чудится, этот зов разбивается о черную стену. Марианна, да где же ты?!

– Лиза! – прохрипел Гроза. – Умираю! Нам не спастись. Пошли им сигнал. Прикажи – пусть придут и застрелят нас! Но надо позаботиться о детях…

– Да, – сказала Лиза. – Я все сделаю.

Она опустила детей на траву, наклонилась, всмотрелась в лицо мужа, положила руку на его лоб, зажмурилась – и вмиг постигла все, что он видел и что задумал в своих последних жизненных усилиях.

Лиза увидела парадный подъезд их дома, где на четвертом этаже застыли в нелепых позах три человека в черном. Их трое, да те двое, которые застряли в нижней квартире, да шофер в «эмке»…

После сигнала, который освободит их от оцепенения, они будут здесь через пять минут, это самое большее. Недолго ждать…

«Tempestas![6]» – отправила она сигнальное слово в пространство и взяла мужа за руку.

Это прикосновение придавало ему сил для того последнего дела, которое он задумал и должен был осуществить.

Лиза принимала его слабые мысленные посылы и оплетала их стальной проволокой своей воли.

Как ни странно, сейчас, на пороге смерти, она и мучительно страдала, и в то же время восторгалась той силой, которую наконец ощутила в себе. Чудилось, стоит она на каком-то огненном пороге, а перед нею замерла подвластная ей мягкая масса, из которой она может лепить что угодно. Массой этой были люди, мыслями которых она владела сейчас.

Меньше всего Лизу волновали эти шестеро убийц, которые уже бежали к ней со всех ног!

Ее заботили двое других. Те двое других – случайных, впервые увиденных ею – и то лишь мысленным зрением! – людей, которые вдруг замерли в полном недоумении перед неодолимой силой, которая свернула их с пути и лишила всех мыслей, всех целей, всех желаний, дав взамен одно: стремление исполнить ВОЛЮ.

Их с Грозой ВОЛЮ.

Лиза успела отнести детей в сторонку, положить под прикрытием куста и, стащив с плеч почти безжизненного Грозы рюкзак с пеленками и едой, поставить его рядом с детьми. Потом она открыла свою сумочку и все деньги, которые там были, затолкала в карман рюкзака.

Вернулась к Грозе, поцеловала его холодеющие губы и тихо шепнула что-то…

Он уже ничего не слышал, но Лиза знала, что прощальный порыв ее любви все же дошел до его угасающего сознания.

Потом приблизился тяжелый топот бегущих. Загремели выстрелы.

Лиза упала рядом с мужем.

Шестеро агентов внимательно осмотрели трупы Грозы и его жены, изрешеченные пулями, подобрали сумочку, валявшуюся рядом с телом Лизы, и вернулись во Фролов переулок, где оставалась машина.

Можно было подумать, что им больше нет никакого дела до убитых. А детей они вообще не заметили.

Так и должно было произойти. Агенты выполнили задачу, которую им поставили Гроза и его жена!

Случайные прохожие, слышавшие выстрелы на бульваре, старались оказаться как можно дальше от опасного места. Но в домах кое-где еще светились огни. И некоторые из жителей все же бросились к телефонам и набрали номер 02, чтобы вызвать милицию. Но никто не осмеливался и носу высунуть на улицу.

Поэтому никем не замеченными остались молодой человек и девушка, которые появились с разных сторон улицы и, двигаясь со странной, почти автоматической целеустремленностью, быстрым шагом подошли к месту убийства.

Впрочем, они тоже ничего не видели вокруг себя и словно бы не замечали трупов. Обменялись беглыми, равнодушными взглядами, а потом подошли к двум младенцам, по-прежнему крепко спящим на траве.

Мужчина взял сверток, обвязанный голубой лентой, и почти бегом скрылся в темноте.

Девушка подняла другой сверток, взглянула в лицо спящей девочки и нежно поцеловала ее в лоб. Сделала несколько шагов, но споткнулась о рюкзак.

---

[6] Tempestas – гроза *(лат.)*.

Подхватила его, придерживая младенца одной рукой… и увидела пачку денег, торчавшую из кармана.

Брови ее напряженно нахмурились. Она твердо знала, что должна спрятать эту девочку от всех. Но как? Где?.. Девушка служила кондуктором трамвая и жила в шумном и многолюдном общежитии, где скрыть что-то было совершенно невозможно, особенно ребенка! Вдобавок, несмотря на год жизни в Москве, этот город по-прежнему оставался для нее чужим. У нее не было ни одного близкого человека, которому можно было бы доверить тайну, кто помог бы исполнить дело, которое ей поручено!

Девушка не задумывалась о том, кто оказал ей это доверие, кто дал поручение и почему для нее так важно – позаботиться о найденном младенце, о существовании которого несколько минут назад она даже не подозревала.

Она знала одно: эта малышка дороже ей всего на свете! И если понадобится отдать за нее жизнь, она это сделает без раздумий.

Нужно спрятать девочку… Нужно устроить так, чтобы никто в Москве не узнал, где она находится…

Значит, следует как можно скорее покинуть Москву.

Вдруг вдали послышались милицейские свистки.

Сколько сейчас может быть времени?

Девушка растерянно оглянулась, крепче прижав к себе ребенка, и вдруг, откуда ни возьмись, к ней пришло понимание, что сейчас одиннадцать вечера.

Так… Почти через час от Курского вокзала отправляется восьмой курьерский. В отличие от обычных поездов, которые иногда опаздывали на чудовищное количество времени, курьерские ходили строго по расписанию. Восьмой идет в Нижний Новгород… То есть в Горький, вот уже два года он зовется Горьким! Это ее родной город. Там она найдет укрытие.

Надо поспешить на вокзал. Какое счастье, что документы у нее при себе!

Девушка перекинула рюкзак через плечо и, крепко прижимая ребенка, бросилась бежать так быстро, как только могла.

Спустя несколько минут она услышала перестук лошадиных копыт и обернулась.

Ее нагоняла пролетка. Девушка вспомнила, что недавно читала в газете, будто в Москве осталось всего сорок четыре извозчика: их вытеснили трамваи и таксомоторы.

На такси, конечно, выйдет быстрей, но его нигде не было видно.

Девушка остановила пролетку и велела отвезти себя на Курский вокзал, посулив вдвое, если приедут до отправления горьковского курьерского.

– Не сомневайтесь, гражданочка! Усаживайтесь! – вскричал довольный извозчик. – Мигом долетим!

Он радостно раскрутил над головой кнут – и пролетка понеслась по пустынной в эту пору Москве. Скоро она скрылась в темноте.

В это самое время несколько постовых милиционеров с разных сторон подбежали к месту убийства, а вскоре с Колхозной площади[7], из ближайшего 18-го отделения, примчался и «Фордор»[8] с опергруппой.

Москва, 1908 год

Еще когда Митя Егоров был совсем маленьким – лет пяти, не больше, – его матушка Антонина Никифоровна отправилась на гулянье в Петровский парк. Поскольку она к тому

[7] Так в описываемое время называлась Большая Сухаревская площадь.

[8] «Фордор», «Fourdoor», т. е. четырехдверный, – название модели «Форда», которая была в собственности столичных отделений советской милиции в описываемое время. «Фордоры» предпочитали именно за эти четыре дверцы, через которые оперативникам удобно было быстро выскочить из машины. Более ранние модели имели только две дверцы: около водителя и переднего пассажирского сиденья.

времени уже овдовела, то пошла со своей младшей сестрой Машей. Не ради того, чтобы самой на людях показаться, а чтобы сестру в люди вывести. Ну где еще барышне из простой, но приличной семьи кавалера, а то и жениха себе найти, как не на гулянье?

Выпили у палатки сельтерской воды, съели по пирожку, а маленькому Митеньке купили петушка на палочке. Правда, он его обмусолил только, а потом уронил в грязищу.

Сестры бродили по аллеям, хихикали, поглядывали на одиноких мужчин, отворачивались от пьяных парочек… Утомившийся Митенька вскоре задремал, отяжелел, оттягивал руки, и сестры передавали его друг дружке, когда уставали.

Внезапно налетел порыв ветра, да такого сильного, что все вокруг вмиг окутало густой пылью. Казалось, не только Петровский парк, но и вся Москва, а может, даже и весь мир исчезли в налетевшей мгле. А потом разразилась страшная гроза! Грянул ливень, огромные градины избивали людей, грохотал гром и сверкала молния. Все бросились к станции конки[9], но, как назло, поблизости не оказалось ни одного вагона. Потом узнали, что лошади так испугались грома, что их даже плетьми не могли заставить двинуться с места.

Дождь неистово хлестал, в небесах что-то трещало, словно там началась артиллерийская пальба, рушились один за другим павильончики и палатки, выстроенные для народного увеселения, а издали, от деревенских домиков, доносился жуткий рев обезумевшей от страха скотины.

С треском рухнула большая береза – в нее ударила молния. Люди, которые только что прижимались к стволам, чтобы укрыться от ливневых струй и от града, бросились врассыпную – подальше от деревьев.

Антонина Никифоровна прижала к себе перепуганного орущего Митеньку и побежала куда-то, ничего не видя в клокочущей свистящей мгле. И тут снова ударила молния, да такая, что все вокруг осветилось мертвенным светом, а потом снова навалилась кромешная тьма. Но через миг она рассеялась, дождь прекратился, и Маша, метавшаяся туда-сюда в поисках сестры, увидела, что неподалеку, посреди поляны, лежат неподвижно в мокрой траве женщина и ребенок.

Тоня и Митенька.

Набежали мужики, и, как водится, ударенных молнией начали забрасывать землей, ковыряя ее руками, ножами, осколками стекла – у кого что было. Маша стояла рядом на коленях и то вопила в ужасе, то молилась.

Прибежал какой-то человек, начал кричать, что он доктор, велел прекратить забрасывать тела землей, принялся тормошить их, дуть в рот Митеньке, потом Антонине…

Но Маша сердцем чувствовала, что нет у нее больше сестры: Тоня лежала почерневшая, обожженная, платье обгорело, волосы были наполовину опалены. Митенька же выглядел как живой – только бледный, мертвенно-бледный и недвижимый.

– Толку не будет, померли, сердешные, – бубнили в толпе. – Чего их попусту тормошить? Надо бы священника позвать.

Но доктор все метался от тела к телу… И вдруг раздался истошный детский крик – это Митенька очнулся!

Маша, как стояла на коленях, так и поползла к нему, простирая руки и рыдая. Доктор, тоже стоя на коленях, передал ей дрожащего мальчика, который бестолково водил туда-сюда руками, жмуря глаза, и сказал:

– К несчастью, сестру вашу, бедняжку, я спасти не могу. Ее наповал убило. Сына она своим телом прикрыла, оттого и достался ему не весь разряд, а какая-то часть. Но ему вполне хватило. Даже не знаю, не отшибло ли ему разум, не останется ли ребенок идиотом… Но

[9] Конка – конно-железная дорога, вид общественного транспорта в конце XIX – начале XX века, предшественница электрического трамвая: вагон стоял на рельсах, но тянула его упряжка лошадей.

тут медицина бессильна, милая барышня, останется вам только лишь на Бога уповать, чтоб милость явил!

Бог явил-таки милость – разум у Митеньки не отшибло, хотя случившееся для него не прошло бесследно: начал он лунатить – во сне, значит, ходить. Однажды среди ночи Маша проснулась невесть почему, глядь, а племянника рядом нету. Кинулась: где он, что?! Вдруг видит: Митенька стоит на балконных перилах, да на одной ноге, а другой в воздухе туда-сюда болтает – ну сущий циркач!

Маша подкралась к нему, схватила и унесла в постель. Мальчик даже не проснулся. После этого она каждую ночь ставила таз с холодной водой возле балконной двери – чтоб Митенька, если опять начнет снобродить, в воду наступил, охолонулся и проснулся.

Маша служила горничной в богатом доме. Хозяева на лето уехали в Евпаторию – отдыхать, а Маша осталась в Москве стеречь господскую квартиру. Каждый день думала, куда после лета Митюшу девать. Пока господ нету, он никому не мешает, а когда они воротятся? Мало того что чужой ребенок у горничной прижился, да еще теперь тазы с водой по всей квартире стоят – это куда дело годится?! Господа как увидят такое, мигом не только Митю выставят, но и Машу погонят с волчьим билетом!

А девать ей Митеньку было совершенно некуда – вот разве что в приют пристроить. Да ведь жалко его, сиротинушку! Мать молнией убило, а отец (он пожарником служил) погиб, когда мальца еще и на свете не было. Вдова получала за отважного супруга пенсию, правда небольшую, восемь рублей, в то время как мужу при жизни платили в месяц немалые деньги: двадцать пять рублей! После смерти Антонины Никифоровны надо было хлопотать, чтобы пенсию на Митино имя перевели, но что для этого надо сделать, Маша не знала, поскольку была малограмотная. Она ждала, пока вернутся господа и, возможно, барин напишет нужную бумагу в управу или куда там вообще такие бумаги пишут!

А пока она водила племянника гулять на Тверскую, к пожарной каланче, возвышавшейся над домом генерал-губернатора. Такие же каланчи торчали и в других местах Москвы. На них маячили фигуры в сверкающих медных касках – дозорные. Чуть завидит дозорный дым, над каланчой поднимались кожаные сигнальные шары (а по ночам загорались фонари), обозначавшие место и силу пожара. И тогда с грохотом и треском проносились по улицам пожарные обозы, сопровождаемые звуком сигнального рога.

Наверное, Митенька и сам бы пожелал сделаться пожарным, но не было для него ничего страшнее, чем огонь… Куда лучше ремесло трубочиста: дымоходы высоких каменных московских домов то и дело забивались сажей, их необходимо было чистить. Зарабатывали трубочисты примерно как пожарные, да еще и чаевые получали по праздникам. Однако Маша, когда Митенька поделился с ней своими намерениями, воспротивилась: все горничные презирали трубочистов за вечную неотмываемую грязь. А мальчишки, завидев кого-нибудь из них на крыше, орали: «Черт, черт из трубы вылез!»

– Пригласи меня трубочист гулять в парк или в синематограф, нипочем не пойду! – решительно заявила Маша.

– И со мной не пойдешь, коли я трубочистом сделаюсь? – испугался Митенька.

– Не пойду! – покачала головой Маша.

На том его мечты о трубочистах и закончились.

Время шло, с каждым днем приближался приезд господ, и Маша все чаще тревожилась, что не удастся уговорить их оставить в квартире чужого мальчишку.

На выручку пришел швейцар Алексей Васильевич.

– Что ты попусту томишься? – сказал он ласково. – Пускай твой племянник у меня живет да пособляет по мере сил. Мне как раз помощник нужен.

– Дай бог вам здоровья, добрый вы человек, Алексей Васильевич! – воскликнула Маша и даже заплакала от радости.

Доброта Алексея Васильевича зиждилась, впрочем, на определенном интересе: он решил на Маше жениться, однако она в сторону швейцара и не глядела, видя в нем почтенного человека, можно сказать, старика (Алексей Васильевич был на тридцать лет ее старше) и мечтая о молодых вертопрахах, у которых ни ума, ни солидности – одни сапоги бутылками, плисовые пиджаки да чубы набекрень! Впрочем, Алексей Васильевич надеялся, что Митенька и станет той ниточкой, которая привяжет в нему Машу, сделавшись в свое время нерасторжимыми брачными цепями.

Швейцар Алексей Васильевич жил в каморке под лестницей. Хлопот у него было немало! Подмести, убрать мусор, разнести по квартирам почту, которую сваливал на стол в швейцарской почтальон… А двери открывать жильцам и запирать потом? А к телефону бегать то и дело да звать к аппарату тех, кому звонят? Не все же такие богатые, что могут в квартирах себе отдельный телефонный аппарат поставить, а в швейцарских он с начала двадцатого века сделался почти обыденным явлением. Конечно, Алексею Васильевичу трудновато было носиться по этажам – вот тут Митенька и пригождался. А еще был он полезен тем, что без всякого труда вскакивал в любую ночную пору, будто спать вовсе не хотел, и бежал отпирать двери запозднившимся или загулявшим жильцам. Видя его, жильцы стыдились, что не дали ребенку поспать, и давали немалые чаевые. Митенька, впрочем, не брал себе ни полушки – все отдавал Алексею Васильевичу, за что швейцар никогда не скупился ему ни на обновки, ни на лакомства.

У мальчишки были не по возрасту серьезные серые глаза, а брови, сросшиеся на переносице, придавали ему хмурый вид. Жилец из восьмого номера возьми да и скажи как-то раз в шутку:

– Ишь, насупился, словно тучка: того и гляди гроза грянет!

В это самое время ни с того ни с сего ударил гром и пошел дождь.

– Вот это да! – удивился жилец. – Да ты у нас и впрямь Гроза!

Прозвище словно прилипло… А уж после того, как Митенькина история – о том, как его чуть не убило в грозу, – постепенно сделалась известна всем жильцам, иначе его и не окликали:

– Гроза, отнеси почту в седьмой номер!

– Гроза, позови к телефону из номера пятого!

– Гроза, сбегай-ка за извозчиком!

– Гроза, скажи дворнику, чтобы дрова подал в третий номер!

Ну и тому подобное.

Так Митенька и рос. Время шло…

Москва, 1937 год

Проводник купейного вагона подозрительно покосился поверх билета, подсвечивая себе фонарем. Что у него за пассажирка такая? С виду ничего особенного: в беретике на стриженых русых волосах, в коротеньком пальтишке, из-под которого виден подол темного ситцевого платья, в баретках на босу ногу. Такие если и ездят курьерским, то в общих вагонах, а эта, ишь, в двухместное купе билет взяла… И вещи у нее не для этого новехонького вагона: на плече потертый рюкзак, у ног стоит неуклюжий фанерный чемоданчик. А на руках у пассажирочки ребенок в сером одеяльце, перевязанном розовой лентой.

Почему-то при взгляде на эту ленту проводник смягчился. Что это он, в самом деле, заедается? Девушка небось служит нянькой у зажиточных родителей: у них достало денег постараться, чтобы их собственное дитятко путешествовало с удобствами. Вот и взяли ей билет не в почтово-багажный поезд, который у каждого столба стоит, а в скорый, да еще и в купейный вагон!

Небось к бабушке ребенка везет в Горький.

На этой мысли проводник вовсе успокоился:

– Третье купе, одиннадцатое место, проходите, девушка.

Она сунула билет в карман пальтишка, подхватила свободной рукой чемоданчик и неловко, запнувшись о ковровую дорожку, вошла в вагон.

– Что? Она тоже в третьем купе? – возмущенно воскликнула, подходя к проводнику, полная дама в широкополой шляпе и светлом пыльнике с модными подкладными плечами. – Вот не повезло! Как же я буду спать ночью? Ребенок обязательно раскричится! Я хочу поменять место!

– Это уж как после отправления получится, – понимающе кивнул проводник. – Будет свободное местечко – я вас с охотой переведу.

Дама, придерживая сумочку, висевшую на лакированном ремешке через плечо, и добротный саквояж, сделала знак носильщику, который потащил в вагон большой кожаный чемодан, перехваченный ремнями. Сама она осталась ждать у вагона, недовольно сведя тонкие, как ниточки, брови и с тревогой поглядывая на очередь пассажиров: непохоже, что окажутся свободные места и ей удастся уйти из злосчастного третьего купе!

Через несколько минут вернулся носильщик. Его утомленное лицо расплылось в улыбке:

– Младенчик до чего славненький. Ну чисто цветочек.

Дама нервно сунула ему чаевые, буркнула:

– Этот цветочек, конечно, называется колокольчик! Будет всю ночь трезвонить!

И вошла в вагон.

Вскоре после отправления проводник, проверяя билеты, заглянул и в третье купе. Полная дама, уже снявшая свой пыльник и оставшаяся в цветастом крепдешиновом платье, подкрашивала губы, осторожно трогая их алой помадой в золотой трубочке, и неприязненно косилась на девушку, кормившую ребенка из бутылочки с соской. На столике стоял никелированный заграничный термос, а рядом лежала коробка с яркой картинкой и надписью: «Nestle».

Такую же коробку проводник видел год назад, когда временно работал на Северо-Кавказской железной дороге (теперь ее в Орджоникидзевскую переименовали). Дочь наркома ехала в Сочи в международном вагоне, а при ней был малый ребеночек, которого нянька всю дорогу пичкала этой самой буржуйской едой. Ох и орал он, бедняга, не желая кушать серо-белое месиво!

А эта девочка ничего, не капризничает, с большой охотой чмокает розовыми губками. Ишь, и впрямь как цветочек!

– Вы, гражданка, извините, – сказал проводник, приняв сочувственный вид, – только все купе, как нарочно, заняты под завязку.

Полная дама мученически завела глаза, но ничего, скандалить не стала, только капризным голосом спросила у соседки:

– Ребенок ваш как, спокойный?

Девушка растерянно моргнула, потом тихо ответила:

– Да, она очень спокойная.

– Не больно-то уверенно вы говорите, – проворчала дама. – Врете, конечно!

Девушка промолчала, опустила голову.

– Зовут-то как? – спросил проводник, любуясь хорошенькой малышкой с родинкой в уголке ротика.

– Меня? Ольга Зимина, – тихо ответила девушка.

– Да я про ребенка спрашиваю, – хмыкнул проводник.

– Ее зовут… – Ольга на миг запнулась, потом выпалила: – Женя ее зовут. Евгения.

Странное у нее при этом было выражение лица. Словно бы удивленное…

– Вы наши билеты проверили? – раздраженно спросила дама. – Ну и не стойте здесь, я хочу поскорей лечь.

– Может, вам чайку принести? – услужливо предложил проводник, но дама только отмахнулась.

Девушка тоже отказалась от чая.

Проводник пожелал пассажиркам спокойной ночи и ушел.

Дама отправилась в туалет, возле которого уже собралась небольшая очередь. А когда вернулась, сразу ощутила запах мокрых пеленок.

Ольга заканчивала перепеленывать своего младенца.

Дама сморщила нос и хотела было возмутиться, но, встретившись глазами с безмятежным взглядом малышки, почему-то промолчала и отвернулась к своему саквояжу.

– Мне надо переодеться, – сообщила она спустя некоторое время, когда соседка снова взяла запеленатого ребенка на руки. – Может быть, выйдете?

– Конечно, конечно, – засуетилась Ольга. – Я как раз в туалет схожу.

– Да вы оставьте девочку, я пригляжу, как же вы с ней там будете? – почувствовав неловкость, окликнула ее дама, но Ольга упрямо качнула головой:

– Нет. Ее нельзя оставлять.

– Да на здоровье, – фыркнула дама не то облегченно, не то обиженно. – Охота в туалете ребенком жонглировать – пожалуйста!

Когда Ольга через некоторое время робко заглянула в купе, шторы были уже задернуты, верхний свет выключен, а ее соседка лежала в постели. Платье она сменила на шелковый халат, разрисованный птицами. Такие халаты назывались по-японски кимоно, только Ольга об этом не знала.

Ольга осторожно положила девочку на подушку, закрыла дверь, повернула ручку и повесила на крючок свое пальтишко, до этого валявшееся скомканной кучкой.

– Хорошая у вас фигура, – вдруг усмехнулась дама, внимательно ее оглядывая при свете маленьких лампочек, горевших в изголовьях нижних полок. – Грудь, задница, талия… На зависть! Странно, что после родов ничуть не испортилась!

Ольга пробормотала, не оглядываясь:

– Да. – И прилегла рядом с девочкой, не раздеваясь, только сбросив с ног баретки.

– Вам же неудобно так спать будет, – зевнула дама, выключая свою лампочку. – Легли бы по-человечески! Хотя, похоже, уснуть вряд ли удастся. Наверняка ребенок нас ночью разбудит!

– Спокойной ночи, – тихо сказала Ольга и тоже погасила свет.

Спиной она ощущала враждебность соседки, но от спящего ребенка исходило такое чудесное, успокаивающее тепло, что Ольга не смогла сдержать улыбку. Она очень устала, но была удивительно счастливой – счастливой до слез!

Ей исполнилось тринадцать лет, когда умерла мать. С тех пор Ольга чувствовала себя страшно одинокой, никому не нужной и несчастной – до тех пор, пока отец не женился вторично. Нет, от мачехи Ольга тоже не видела ни добра, ни тепла, но у той вскоре родилась дочка, и нянчиться с маленькой Дашенькой пришлось Ольге. Она полюбила сестренку всей душой и очень быстро научилась управляться с ней не хуже мачехи. Правда, та была вечно недовольна, а потому взяла к дочке няньку. Ну и погубила этим дочку. Нянька частенько хаживала навещать родню, жившую в пригороде, а там начался тиф. Вот она и заразила всю их семью. Отец, мачеха и Ольга выжили, а нянька и маленькая Дашенька умерли. Мачеха не стеснялась пенять Ольге во всеуслышание: «Лучше б ты подохла!» А Ольга так горевала по сестренке, что и сама иной раз думала: «Да уж лучше бы я и в самом деле померла, ну кому я нужна?» Ей хотелось оказаться как можно дальше от дома, поэтому, все же закончив семилетку (из-за болезни пришлось остаться на второй год), она уехала с подружками в Москву. Говорили, там и с работой полегче, и вообще счастье свое можно найти.

И вот… В самом деле – Ольга нашла свое счастье! Вот эту девочку.

Она не задавалась вопросом, как и почему могла так стремительно, так мгновенно измениться ее жизнь, кто положил в скверике на траву эту малышку, почему рядом с ней оказался рюкзак с большими деньгами, пеленками, распашонками, едой и даже горячей водой в термосе, а главное – почему она, Ольга, ощущает неодолимую, почти физическую потребность быть с этой девочкой неотлучно, заботиться о ней и охранять ее, отдать за нее, если понадобится, жизнь. Все ее прошлое словно бы подернулось серой, почти непроницаемой завесой и отдалилось, сделалось совершенно неважным.

Сначала Ольга хотела назвать малышку Дашенькой, вспомнив покойную сестренку, но не стала. Во-первых, негоже называть ее именем умершего младенца, а во-вторых… Во-вторых, Ольга откуда-то узнала, что девочку зовут Женей.

Как, почему она узнала это?! Непонятно…

Впрочем, Ольга и не пыталась понять хоть что-то в происходящем. Действовала словно бы по чьей-то подсказке и не удивлялась, что ей везет на каждом шагу.

Вовремя подвернулся извозчик на пролетке. И билеты в кассе оказались – правда, только в самый дорогой купейный вагон, однако денег хватило и еще довольно много осталось.

Ольге не хотелось отвечать на вопросы посторонних людей. Было немного странно называть Женю своей дочкой, но при этом она понимала, что ничего иного сказать нельзя. То же самое она сообщит отцу и мачехе, когда приедет в Горький и явится домой. Наверное, они не очень обрадуются ребенку… Ну, об этом не стоит сейчас думать. Лучше попытаться уснуть, набраться сил, пока Женя спит. Может быть, она спокойно проспит до утра? Хорошо бы… А то соседка непременно устроит скандал, если Женечка закричит среди ночи!

«Спи, деточка, спи, моя маленькая. – Ольга осторожно коснулась губами нежной щечки, слегка пахнущей молоком. – Спи до утра! Будь умницей!»

И через мгновение сама заснула крепким сном.

Москва, 1937 год

«Тибетцу. Секретно. Отчет агента Нойда.

Докладываю, что этой ночью сотрудниками 2-го оперативного отдела в подвале дома на Малой Лубянке, 16, была проведена операция по устранению заговорщиков. Я не мог сообщить об этом заранее, потому что все инструкции мы получили непосредственно перед выездом из управления и отлучиться не было никакой возможности.

Подвал представляет собой помещение размером 6 на 5 с половиной метров, высота потолка 2,8 метра, окна отсутствуют, дверной проем размером 2 метра на полтора снабжен дубовой дверью, покрашенной в черный цвет, так же, как и стены комнаты. Посредине комнаты находится деревянный стол, окруженный 6 стульями (все это выкрашено в черный цвет). В центре стола – восковая скульптура (бюст) человека, чертами лица отдаленно напоминавшего Ивана Васильевича[10]*. Рядом лежит портрет Ивана Васильевича на трибуне Мавзолея Ленина на Красной площади (портрет вырезан из газеты «Правда»).*

На голову воскового изображения приклеены коротко состриженные человеческие волосы (черные с проседью). В полую часть бюста вложено сердце животного, предположительно козла или свиньи. Пол комнаты исчерчен латинскими буквами, расположенными в форме квадратов. В составе оперативной группы находился фотограф, который подробно

[10] Иван Васильевич – псевдоним И.В. Сталина в секретной переписке НКВД (в честь Ивана Грозного).

запечатлел происходящее. Правда, я убежден, что пластины окажутся засвеченными после того, с чем столкнулись оперативники в конце обыска».

Тибетец, он же начальник СПЕКО[11] Глеб Иванович Бокий, читал донесение своего агента и чувствовал, как стынут пальцы рук и ног. Это было первым признаком надвигающегося припадка болезни.

«В помещении мы обнаружили 6 человек в черных одеяниях, напоминающих балахоны. Вокруг головы у всех черные повязки с латинскими буквами. Люди находились в состоянии транса и не успели оказать никакого сопротивления. Все собравшиеся устранены выстрелами из пистолетов».

Похолодевшая рука Бокия, державшая исписанный торопливым почерком листок, вдруг затряслась, да так, что остановить дрожь было невозможно. Этот тремор тоже являлся одним из проявлений болезни, которую Бокий пытался скрывать от окружающих, но от себя, конечно, скрыть не мог. Эта болезнь на латыни называлась timor mortâlis, что означало «смертельный страх». Глеб Иванович страдал этим недугом последние лет пять, и болезнь активно прогрессировала.

Бокий замечал и другие неприятные симптомы. Например, с тех пор как он начал бояться всех и каждого, его самого стали бояться меньше – причем даже сотрудники его отдела. А ведь раньше женщины едва в обморок не падали, когда товарищ Бокий вызывал кого-то из них к себе в кабинет! Да, его авторитет в Спецотделе прежде всего зиждился на животном страхе сотрудников перед ним. Для укрепления этого страха Глеб Иванович в свое время не брезговал никакими мелочами. Если теперь, после переезда всех подразделений Спецотдела на Лубянку, хозслужба обставила официальный кабинет Бокия в соответствии с «канцелярской модой» времени: непременными портретами вождей марксизма-ленинизма на стенах, внушительной казенной мебелью, тяжелыми от пыли портьерами и кожаными листьями фикусов, которые уныло гармонировали с зеленой лампой на письменном столе, – то раньше, в здании Министерства иностранных дел на Кузнецкой, Глеб Иванович сам занимался обстановкой и давал себе волю. Так, в своем кабинете он держал человеческий скелет на железном штативе, несколько пожелтевших черепов, нагло скаливших зубы в последних всепонимающих ухмылках, а также большие, стеклянные, наглухо запечатанные банки с заспиртованными в них серо-розовыми человеческими сердцами и отвратительно-белым головным мозгом.

Все эти штуковины не имели отношения к работе Спецотдела, но производили жуткое впечатление на входящих. Очень может быть, сходные ощущения испытывал обычный человек, вдруг оказавшийся в лаборатории средневекового алхимика или в пещере древнего колдуна. Вдобавок ко всему Бокий имел обыкновение чуть ли не ежедневно переставлять эти мрачные «украшения» своего кабинета, и никогда нельзя было угадать, из какого угла тебе улыбнется один из черепов, и не обнаружишь ли ты за спиной скелет, приветственно поднявший руку и согнувший ногу в колене. Придавать ему самые причудливые позы – это было одно из любимых увлечений Глеба Ивановича.

…Дрожь руки постепенно утихла, буквы перестали плясать перед глазами, и Бокий перечел эти слова: *«На голову воскового изображения приклеены коротко состриженные человеческие волосы (черные с проседью)».*

Итак, в подвале совершалась совершенно типичная процедура энвольтования – отдаленного магического воздействия на человека через его изображение, которое и называется вольтом. В данном случае, без всякого сомнения, объектом энвольтования являлся «Иван Васильевич».

---

[11] Эта аббревиатура обозначала в документах 9-й отдел ГУГБ (Главного Управления Государственной Безопасности) НКВД СССР (до 25 декабря 1936 г. – Спецотдел ГУГБ НКВД), которым руководил Г.И. Бокий.

Сам товарищ Сталин.

Бокий был поражен тем, что заговор оккультистов против вождя был раскрыт 2-м оперативным отделом, а не 9-м, который занимался не только шифровкой, дешифровкой и радиоперехватами, но как раз оккультными науками, для чего и создавался еще в 1918 году, хотя и назывался тогда иначе, и руководим был не Глебом Ивановичем Бокием, а Виктором Степановичем Артемьевым. И это не в первый раз! И снова в том же проклятом подвале на Малой Лубянке, 16!

До 1929 года там находилась лаборатория Московского отделения Ленинградского института мозга имени Бехтерева. Среди сотрудников лаборатории был некто Вадим Чеховский[12]. Он занимался опытами по гипнозу, внушению, телепатии, однако, вдобавок ко всему, был обуреваем идеей коллективного индуктора: то есть работы целой группы гипнотизеров и телепатов, которые одновременно внушают определенные приказы человеку, находящемуся в другой комнате или даже в другом помещении.

Бокий тогда только слышал об этих экспериментах, однако попасть на них не мог. Чеховский никак не шел на контакт с НКВД, и его прикрывал могучий авторитет Бехтерева[13]. Однако после того, как Бехтерев умер, за Чеховским началась почти открытая слежка, которой он, похоже, не замечал. И вот однажды в лаборатории – в том самом подвале на Малой Лубянке, 16! – накрыли сборище каких-то странных людей в черных балахонах.

Поначалу предположили, что в подвале собирались гипнотизеры, которые занимались подготовкой покушения на Сталина. Однако никаких признаков энвольтования не было обнаружено, а все участники заговора в конце концов оказались членами московского тайного ордена розенкрейцеров «Эмеш редививус». Среди них были люди серьезные и уважаемые, например, профессор Александр Чижевский[14], несколько его коллег, а также двое французских дипломатов. Однако встречались типажи с явно шизофреническими наклонностями – вроде шалого мистика Тегера[15] с его болезненным антисемитизмом. Чеховский находился где-то посередине – балансируя между гениальностью и болезнью. Как он сам объяснял на допросе, ему хотелось совместить мистический опыт православных подвижников, например, Серафима Саровского, с научными данными. Целью было осчастливить человечество прежде, чем это сделают марксисты-коммунисты.

«Эмеш редививус» разогнали, отправив в лагерь Чеховского и Тегера. За Чеховского хлопотал лично Бокий, который во время его ареста находился в служебной инспекционной поездке и об операции узнал только вернувшись. Через пять лет, самое большее, радиоинженер вышел бы на свободу, однако пытался организовать побег заключенных и был за это расстрелян. А Тегер отсидел свое и сейчас находился в ссылке в Кирове. Чижевский больше ни в какие сомнительные предприятия не совался.

И вот новый заговор оккультистов… Но куда более серьезный. И снова его раскрыли, минуя 9-й отдел.

Бокий не понимал, как вообще оперативники могли выйти на эту группу заговорщиков. Однако слова о черных с проседью волосах подсказали ответ.

На след навел Карл Паукер. Почти наверняка!

---

[12] Чеховский Вадим Карлович (1902–1929) – химик, физик, радиоинженер. В 1928 г. арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и осужден на 5 лет лишения свободы. Был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1929 г. расстрелян за попытку организации побега заключенных.

[13] Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России; академик. Загадка его смерти до сих пор не раскрыта.

[14] Чижевский Александр Леонидович (1897–1964) – советский ученый, биофизик, один из основателей космического естествознания, основоположник космической биологии и гелиобиологии.

[15] Тегер Евгений Карлович (1890–1942) – эзотерик и анархист, бывший Генеральный консул РСФСР в Афганистане, бывший сотрудник Наркомвнешторга, один из организаторов тайного общества, занимавшегося «практическим оккультизмом»

В последнее время он служил начальником охраны Сталина, а также был его личным шутом (Сталин обожал слушать анекдоты в его исполнении!) и… парикмахером. Некогда Паукер поработал в оперном театре Будапешта гримером и парикмахером, так что имел богатый опыт. Недоверчивый вождь доверчиво подставлял горло под лезвие опасной бритвы, когда ее держал в руках именно Паукер.

Если волосы, приклеенные к голове воскового «Ивана Васильевича», в самом деле принадлежали Сталину, то попасть в подвал на Малой Лубянке они могли исключительно через Паукера. Бокий знал, что 19 апреля того арестовали, и можно было не сомневаться, что на допросах с ним не церемонились. Вот он и поведал о неких персонах, интересующихся обрезками волос вождя…

Бокия снова затрясло. Если его не поставили в известность о том, что идет слежка за группой оккультистов, замышляющих убийство Сталина, это могло означать только одно: недоверие к нему.

Еще бы ему доверяли! После ареста Барченко, эксперта Спецотдела по исключительным возможностям психологии, Бокий перестал спать спокойно. Барченко обвиняли в создании тайной оккультной организации «Единое трудовое братство», которая ставила задачу психологического воздействия на руководителей партии и правительства. Однако общество это было создано еще в 1923 году! Именно тогда Барченко сумел заинтересовать и самого Бокия метафизикой и даже уговорил его вступить в это самое «Братство», которое изучало древние оккультные науки. Однако Бокию надо было курировать весь Спецотдел, и на углубленные занятия теоретическим оккультизмом у него просто не оставалось времени. Он фактически отошел от «Братства», но продолжал часто прибегать к услугам Барченко. И сейчас ему стало жутко от догадки: а что, если Барченко был как-то связан с теми заговорщиками, которых минувшей ночью положили в подвале на Малой Лубянке?!

Бокий продолжил чтение:

> *«После того как процедура устранения была завершена, оперативники начали обыскивать помещение и проводить опись предметов, находившихся в подвале. В эту минуту в дверь ворвался еще один человек. Судя по всему, это был член организации, опоздавший на собрание заговорщиков. Оперативники попытались его задержать, однако оказались бессильны, потому что им показалось, будто в помещении вспыхнул пожар. Пока они пытались погасить огонь, неизвестный исчез. После этого было обнаружено, что пожара в действительности не было, а группа оперативных сотрудников и агентов находилась под воздействием гипнотического внушения огромной силы. Однако на лицах многих остались термические ожоги первой степени…»*

Бокий обреченно покачал головой. На такое был способен только один человек, и этот человек принадлежал к числу секретных сотрудников Спецотдела!

Эту пугающую догадку подтвердили следующие строки Нойда:

> *«Я узнал сотрудника 7-го отделения Спецотдела Грозу, однако не успел ничего предпринять, поскольку был поражен «огнем», как и остальные. Прошло некоторое время, прежде чем я пришел в себя, смог выбраться из подвала и отправить на квартиру Грозы агентов с заданием арестовать его и его жену, а также забрать их новорожденных детей, о возможных способностях которых я вам докладывал некоторое время назад. Самому мне пришлось вернуться в подвал, и там удалось увидеть бумаги, обнаруженные в сейфе заговорщиков. В их числе оказался список участников этого сборища, составленный по кличкам (ни одной знакомой я не встретил); список древних латинских заклинаний, обращенных к мифическим покровителям дней недели:*

Юпитеру, Сатурну и проч., рекомендации по созданию латинских квадратов и руководство по энвольтованию, написанное, как я предполагаю, рукой Чеховского и оставшееся не обнаруженным после его ареста в 1928 году, и тому подобные бумаги, касающиеся оккультных наук и энвольтования, ознакомиться с которыми более подробно мне не удалось, поскольку они были изъяты руководителем группы устранения.

После этого мне удалось под благовидным предлогом уйти. Я поспешил на квартиру Грозы, однако по пути встретил агентов, посланных мною для его захвата и возвращавшихся назад. Мне сразу удалось установить, что они подверглись воздействию сильнейшего внушения и не отдают себе отчет в своих поступках. Когда я спросил, где арестованные, они ответили, что получили приказ убить Грозу и его жену. Приказ они исполнили. Объяснить, кто отправил их на квартиру Грозы и кто отдал приказ его с женой уничтожить, агенты не смогли. В доказательство совершенного убийства они передали мне дамскую сумочку с двумя паспортами и детскими метриками. Однако на вопрос о самих детях агенты ничего не могли ответить.

Я спросил, где именно были убиты Гроза и его жена, и, узнав, что это произошло на Сретенском бульваре, напротив кинотеатра «Хроника», поспешил туда. К сожалению, к тому времени, как я добежал до этого места, туда уже подъехал служебный автомобиль с четырьмя сотрудниками милиции. Мне пришлось наблюдать за происходящим из-за угла. Довольно долго проводились обычные оперативные мероприятия, но за все это время я не заметил и признака, что кем-то были найдены дети Грозы. Наконец приехавшая труповозка увезла убитых, милиционеры также покинули место. Я выждал, когда разойдутся немногочисленные зеваки, и обследовал все вокруг, но также не обнаружил детей Грозы. На данный момент у меня нет никаких предположений, где они могут находиться.

Жду ваших дальнейших распоряжений.

Агент Нойд».

По пути в Горький, 1937 год

Ольга не знала, сколько времени проспала, но вдруг сон словно ножом вспороло!

Вскинулась, не сразу поняв, что это был не нож, а пронзительный детский крик.

Над изголовьем соседки вспыхнула лампочка, и Ольга с изумлением увидела в купе мужскую фигуру, которая на миг застыла, а потом рванула дверь и попыталась выскочить, но не смогла, потому что соседка подхватилась и вцепилась мужчине в спину.

Тот завалился назад и грохнулся, сильно ударившись головой о столик, не сдержав громкого вопля.

Соседка включила и верхний свет. Ольга разглядела немолодого лысоватого мужчину в форме проводника, который полулежал в проходе между полками, прижимая к себе… узкую лакированную дамскую сумочку.

– Вор! – завопила соседка. – Моя сумка! Он хотел украсть мою сумку!

В коридоре послышался шум. Из других купе выглядывали всполошенные люди, раздраженные криками. Примчался проводник этого вагона и завопил возмущенно:

– Ах ты тварь! В чужом вагоне воровать? Двери общим служебным ключом открывать?! А потом бы на меня подумали?

Пассажиры в коридоре подняли такой шум, что появился начальник поезда. Когда он понял, что произошло, принялся крыть скорчившегося на полу вора таким матом, что Ольга зажала уши, а в коридоре поднялся хохот.

Соседка, придерживая на груди халат, тоже смеялась от души, и меленькие белесые кудряшки шестимесячной завивки на ее голове весело тряслись.

Наконец начальник поезда несколько угомонился и кое-как уговорил пассажиров разойтись по своим купе, уверяя, что вор будет наказан самым строгим образом. Хозяйке вернули сумку и попросили проверить, что украдено.

Все содержимое сумки оказалось цело.

Проводник вагона вздохнул с облегчением, однако лицо начальника осталось суровым.

– Как только прибудем в Горький, пройдем в железнодорожное отделение милиции – и вы, гражданка, напишете там заявление, – сказал он. – Негодяй должен быть наказан!

– Непременно, – сказала дама. – Но уж надеюсь, что вы его и без моего заявления с работы уволите?

– Можете не сомневаться! – торжественно пообещал начальник. – Считайте, уже уволили!

Вор, доселе лежавший на полу недвижимо, проворно переменил позу и вдруг оказался стоящим на коленях перед дамой, которая поспешно прижала к груди свою сумочку, словно испугалась, что тот вырвет ее своими с мольбой протянутыми руками.

– Умоляю, гражданка! – простонал он. – Христа ради! Не надо в милицию… не погубите… семья у меня, дети малые… верите ли, бес попутал… сам не знаю, почему ума лишился…

– Лишился! – сердито передразнила дама.

– Ты, Поликанов, советский проводник, а у тебя то Христос, то бес, – рявкнул начальник поезда.

– Как это он советский проводник? – возмутилась дама. – Бывший проводник! Вы же его уволили!

– Уволить увольте, только в милицию не надо! Семью не губите! Семеро детей! – завыл вор, и на лице дамы выразилось что-то среднее между брезгливостью и жалостью.

– Иди, иди отсюда, Поликанов! – сурово велел начальник. – Надо пассажиркам дать поспать, вон, светает уже!

– И в самом деле! – кивнула дама, отчаянно зевнув. – В Горьком разберемся!

Она заперла за ушедшими дверь и схватилась за голову.

– Это ж надо же! – простонала трагически голосом. – Я молилась, чтобы Сортировку спокойно проехать – там вечно мальчишки камнями в окна скорых бросают, никакая милиция их унять не может! – а тут ворюга в купе!

И она принялась укладываться, вздыхая и причитая.

Ольга покосилась на Женю. Та лежала спокойно, только чуть причмокивала губами.

«Есть хочет!» – догадалась Ольга.

– Мне девочку покормить надо, – пробормотала она. – Извините, конечно, я быстренько…

– Да кормите, кормите! – всплеснула руками соседка. – Кормите, пеленайте, если надо. Как подумаешь, от младенцев тоже может быть толк! Я спала как убитая, даже не слышала, как он сумочку из-под подушки вытащил! Он бы мог все забрать, все деньги, вещи… если бы не закричала ваша дочка… Кормите ее хорошенько! Кстати, меня Фаиной Ивановной зовут. А фамилия – Чиляева. Будем знакомы.

– Будем, – пробормотала Ольга, наклоняясь, чтобы достать из рюкзака бутылочку, и украдкой улыбаясь.

Москва, 1914 год

Алексей Васильевич привязался к Грозе как к родному и ни за что не пожелал бы с ним расстаться, несмотря на то что Маша так и не оценила доброты швейцара и не склонялась на его ухаживания.

Более того! У Маши появился кавалер – младший приказчик из пассажа Сан-Галли на Кузнецком мосту. Магазин был немецкий, младший приказчик, само собой, тоже немчик по имени Готлиб Киршнер: рыжий, веснушчатый, голубоглазый и робкий, что дитя малое. Маша диву давалась его робости: приказчики ведь все наглые да приставучие, как его только хозяева в магазине держат? Оказалось, Готлиба держали прежде всего потому, что его матушка владела частью акций пассажа, а дядюшка служил в германском посольстве в Петербурге. Фамилия этого господина была Штольц, он недавно овдовел (жена его, итальянка, урожденная графиня Челеста, умерла вторыми родами) и часто наезжал в Москву – проведать сестру и своего сына Вернера, который жил в старой русской столице, поскольку сырой климат Петербурга был ему вреден. К роману своего племянника с русской горничной Штольц отнесся понимающе: всякому нужно в молодости перебеситься, да и фрейлейн весьма премиленькая.

Однажды Готлиб решил сводить Машу в зоосад на Пресненских прудах. Он называл его просто «зоо» и рассказывал, что в Берлине тоже есть свой зоо, очень большой и знаменитый.

Маша пожелала непременно взять с собой племянника. Тогда и Готлиб пригласил своего кузена – Вальтера Штольца. Был он двумя годами постарше Грозы, смуглый, черноглазый (удался в мать, итальянскую графиню), всем хорош, вот только задавался непомерно. У Грозы кулаки чесались отдубасить этого немчика-перчика-колбасу за его презрительные взгляды! Однако Машу огорчать не хотелось.

В конце Арбата Готлиб купил всем мороженого у уличного разносчика, который толкал им навстречу обшарпанный ящик на колесиках и голосил:

– Сахарна морожина! Кондитерска морожина!

Готлиб выбрал себе фисташковое, Маша – сливочное, Вальтер – крем-брюле, а Гроза – малиновое. Мороженщик выколупал его ложкой из металлических круглых коробов, положил на кусочки картона и дал каждому в придачу выструганную из лучины крошечную лопаточку.

– Ешьте осторожней, – предупредила Маша. – Не то язык занозите! И пошли, пошли!

– А почему? – удивился Гроза. – Давайте здесь съедим, мороженое уже капает.

Маша глазами показала на разносчика, который почему-то замешкался: дальше не ехал и исподтишка поглядывал на компанию.

– Он ждет, чтобы мы поели! – сообщила она громким шепотом. – Поели и бросили картонки и щепки. А потом их подберет, ополоснет и снова в дело пустит.

– В дело пустит? – ахнул Готлиб. – Поднимет с мостовой? Но это же негигиенично!

Маша только ухмыльнулась. Все поспешно двинулись вперед, обливаясь быстро таявшим мороженым. Разносчик проводил их обиженным взглядом и наконец отправился своей дорогой. Когда все доели, то аккуратно сломали и выбросили картонки и ложечки в большую чугунную мусорную урну.

На всякий случай.

Пройдя еще немного по Садовому кольцу, увидели сидящего на раскладной трости седого человека в поношенной «тройке» и потертых штиблетах. Рядом на земле стояла жестянка от монпасье фабрики Жукова (все называли эти конфеты лампасейками). В ней лежало несколько гривенников и двугривенных.

– Гадаю по ладони, предсказываю будущее, – пробормотал седой, когда сцепившиеся под ручку веселые Маша и Готлиб и угрюмо молчавшие мальчики миновали его.

Вальтер так и замер!

– Хиромантия? – спросил он возбужденно. – Вы в самом деле знаете хиромантию?

Оказалось, Вальтер довольно бойко болтал по-русски, хотя смешно выговаривал слова.

Седой поднял голову, и стало видно, что не так уж он и стар, даром что волосы поседели.

– Я профессор хиромантии, – важно сообщил он. – Удивительно, что вам это слово знакомо! Каким же образом?

– Мой отец этим увлекается, – ответил Вальтер. – У него есть разные книги: по хиромантии, магии, ясновидению, гипнозу…

– Приятно поговорить с образованным молодым человеком! – воскликнул седой. – Извольте вашу ладонь; потом погадаю и прочим – по гривеннику за исследование.

Вальтер умоляюще взглянул на Готлиба – тот кивнул и швырнул в жестянку гривенник.

Вальтер быстро протянул руку, и седой взял ее, расправил пальцы, всмотрелся в ладонь.

– Ого, – сказал он, чуть хмурясь, – длинный большой палец указывает на вашу непреклонную волю. Холмы Юпитера, Солнца, Сатурна плоские – вы равнодушны к искусству. Ваша жизнь будет очень долгой, но вторую половину ее чрезвычайно омрачат поиски детей.

– Каких детей? – изумился Вальтер.

– Чужих, – ответил седой, внимательно вглядываясь в него. – На вашей шее намечена морщина порока… она говорит о склонности к жестокости, готовности пойти на все ради своей цели. Не хотел бы я встретиться с вами в ваши зрелые годы!

Вальтер стоял как окаменелый. Рука его, которую выпустил седой, безвольно упала.

– Теперь вы, юноша, – с улыбкой повернулся седой к Грозе, и тот робко протянул ладонь. – Так… интересно, очень интересно! Вас ждет невероятная судьба! Вы достигнете огромного могущества, станете primo inter pares…

– Чего?! – возопил перепуганный Гроза.

– Первым среди равных, это по-латыни, – небрежно пояснил седой и продолжил: – Однако вы попадете в зависимость от очень жестоких людей. Вы обретете счастье в любви, у вас будет двое детей, но вы погибнете в расцвете сил, не дожив и до сорока. Вас убьют люди в черном.

– В черном? – фыркнул Готлиб. – Вы по ладони можете видеть цвет их одежды?

Седой, не ответив, выпустил запястье Грозы, цепко ухватил руки Готлиба и Маши и потянул к себе.

Молодые люди рванулись было прочь, но седой уже успел бросить мгновенные взгляды на их ладони и тотчас выпустил их. Лицо его омрачилось.

– Идите, – буркнул он. – Не буду я вам гадать. В один день умрете, только и скажу.

– Das ist wunderbar! Это прекрасно! – обрадовался Голиб. – В один день умерли мои дедушка и бабушка. Они крепко любили друг друга.

– Дедушка и бабушка ваши стариками небось были к тому времени, – вздохнул хиромант и отвернулся.

– Пойдемте, – пробормотала Маша. – Мне как-то страшно стало!

– Ничего, Марихен, – успокоил Готлиб, беря ее под руку и бросая в жестянку полтинник.

– Это вас не спасет, – уныло прокаркал вслед седой.

В первые минуты все почти бежали, так хотелось оказаться от него как можно дальше! Потом Маша устала, и Готлиб пошел тише; мальчики тоже замедлили ход.

– Вообще хиромантия – ерунда, – пренебрежительно проговорил Вальтер. – Мой отец ее изучает, но не очень в нее верит. Он верит только в гипноз.

– А это что еще такое? – удивился Гроза.

– Гипноз, – важно ответил Вальтер, – это такая штука, с помощью которой человека можно загипнотизировать.

– Чего?!

– Загипнотизировать – это значит посмотреть на человека, усыпить его и заставить что-то сделать. Не говоря ни слова, понимаешь? – начал объяснять Вальтер.

– Нет, – растерялся Гроза. – А ну, покажь!

Вальтер нахмурился и принялся сверлить Грозу напряженным взглядом своих черных глаз, беззвучно шевеля губами.

– Да не слышу я ничего, ты погромче скажи! – воскликнул наконец Гроза.

– Я вообще ничего не должен говорить! – рассердился Вальтер. – Я должен усыпить тебя взглядом и отдать приказ!

– Как же ты меня усыпишь, если мне спать неохота? – удивился Гроза.

– Так положено, – развел руками Вальтер.

– Ну ладно, усыпляй и приказывай! – согласился Гроза.

Снова нахмуренные брови, снова сверлящий взгляд…

Снова неудача.

– Ты для гипноза не пригоден! – заявил Вальтер.

– А давай-ка я теперь попробую! – разохотился Гроза.

– У тебя не получится, – отрезал Вальтер.

– Это еще почему?!

– У тебя глаза серые, а все гипнотизеры – черноглазые… – начал было Вальтер, но испуганно умолк: вдруг повалила им навстречу толпа с криками:

– Медведица сбежала! Спасайтесь, православные!

Среди людей мчалась большая медведица, смертельно испуганная криками и тычками, которыми награждали ее особо смелые из беглецов. Наконец это ей надоело, она испустила такой разъяренный рык, что людей словно ветром раздуло по сторонам, а перед ней остались только Готлиб с Машей да прижавшиеся к ним мальчики.

Маша толкнула племянника к себе за спину, а Вальтер метнулся вперед и с криком:

– Я ее загипнотизирую! – уставился на медведицу.

Какой-то миг мальчик и зверь сверлили друг друга глазами, потом медведица встала на задние лапы и пошла на Вальтера, тихо, сдавленно, ненавидяще рыча.

Вальтер в ужасе зажмурился, медведица пала на все четыре лапы и приготовилась броситься на него, как вдруг Гроза выскочил из-за Машиных юбок и пошел на зверя – бледный, совершенно спокойный, глядя на медведицу своими серыми глазами так, словно смотрел сквозь нее.

Вальтер пронзительно взвизгнул.

Медведица замерла, попятилась, не удержалась на лапах и нелепо завалилась на задницу, а потом вдруг повернулась, опустила голову и с воем кинулась к воротам зоопарка, откуда уже выбегали дрессировщик с кнутом и сторожа с веревками. Вязать медведицу, впрочем, не понадобилось: она рысцой промчалась к своей клетке, вбежала туда и легла на пол, уткнув морду в лапы и громко завывая, словно от боли.

Маша еле успела подхватить племянника, который вдруг начал падать, закатывая глаза.

– Чуток не погиб мальчонка! – возбужденно крикнул кто-то рядом. – Куда только полез, дуралей такой? Кабы тот, другой, не завизжал истошным голосом, конец бы ему. А так – перепугалась медведица, вот и убежала.

Люди кругом шумели, кричали, отходя от страха.

Готлиб крикнул извозчика, сунул на сиденье бесчувственного Грозу, помог сесть Маше, кое-как устроился рядом, прижимая к себе дрожащего Вальтера, и велел ехать на Арбат, где жила Маша. Все были так потрясены, что не произносили ни слова.

Вдруг Гроза пробормотал, словно в бреду:

– Огонь! Я ей крикнул, что брошу в нее огонь!

Маша залилась слезами, гладя его по голове.

Без единого слова, изредка тревожно переглядываясь, доехали до дома. Готлиб перенес Грозу в швейцарскую и уехал с Вальтером, которого по-прежнему била дрожь.

Алексей Васильевич ушам не верил, слушая Машин рассказ. Чтобы звери из зоосада убегали – да где же такое видано?!

Гроза пролежал без памяти этот день и ночь (вызванный доктор успокаивал Машу: дескать, от страха такие обмороки возможны и науке известны), потом очнулся, но никак не мог вспомнить, что произошло. Помнил, как спорили с Вальтером про гипнотизеров, помнил, как закричали и побежали вдруг люди, помнил медведицу, которая встала на задние лапы, а больше ничего.

– Ты меня защитить хотел! – ахала Маша. – Такой молодец! А что ты глаза трешь? Что это у тебя глаза красные?

– Жжет, – пожаловался Гроза.

Тут Машу позвали к господам, а швейцар начал прикладывать к глазам мальчика примочки из спитого чая. Старинное средство помогло – Гроза уснул. Спал, однако, беспокойно, бормотал одно и то же:

– Я ей крикнул, что брошу в нее огонь!

Пришел почтальон, принес газеты, письма. Гроза еще спал, и Алексей Васильевич сам начал разносить почту по квартирам. Приустал, остановился на площадке третьего этажа, да тут с «Московских ведомостей» слетела бандероль, листок развернулся, и Алексей Васильевич сразу увидел заголовок: *«Как медведице морду сожгли»*.

Начал читать:

> *«Вчера в полдень из зоосада на Преснеских прудах сбежала медведица Барбара. Сторож неплотно задвинул засов, вот хитроумная зверюга и решила прогуляться. Перепугала посетителей до того, что несколько человек потом обратились к врачам, а какого-то мальчика увезли без сознания. Однако нашелся храбрец, который сунул в морду медведице что-то горящее. Что – выяснить не удалось, точно так же никто не мог описать человека, который это сделал. Создается впечатление, что никто ничего не заметил, однако факт есть факт – шерсть опалена! Конечно, очевидцы нарочно отводят подозрения от храбреца, потому что дирекция зоопарка намерена подать на него в суд за урон, нанесенный ценному зверю, которым сейчас занимается ветеринар. Однако наши симпатии, господа, отнюдь не на стороне дирекции, из-за безалаберности которой натерпелось страху столько москвичей!»*

– Чудеса, да и только, – пробормотал Алексей Васильевич. – Неужто Гроза видел того, кто медведице морду поджег?! Вот очухается – надо будет его получше расспросить.

Он свернул газету, надел на нее бандероль и пошел вверх по лестнице дальше.

Хозяева Маши, которым она рассказала о случившемся, тоже прочли эту заметку. Однако поскольку Маша не упомянула о том, что твердил в бреду племянник, они только поахали, поохали да так все постепенно и забыли об этом случае.

Готлиб продолжал ухаживать за Машей, и однажды она прибежала со свидания немножко очумевшая от счастья и с порога выпалила, что Готлиб сделал ей предложение.

Алексей Васильевич вовсе пригорюнился. Гроза не знал, радоваться ему за тетушку или печалиться за дядю Лёшу. А Машин хозяин, выслушав новость, нахмурился и сказал:

– Ты девушка хорошая, Маша, потому дам тебе добрый совет: забудь про своего жениха, да поскорей.

Маша глаза так и вытаращила:

– Что это вы, барин, говорите?! Почему это – забыть?!

– А потому, – загадочно ответил хозяин, – что вчера австрийского эрцгерцога убили в Сараеве.

– В каком сарае? – окончательно растерялась Маша.

– Завтра об этом будет во всех газетах, – с сожалением поглядел на нее хозяин. – Тогда и узнаешь в каком… Вся Россия узнает!

Да, назавтра вся Россия узнала, что в сербском городе Сараеве террористом Гаврилой Принципом были убиты наследник австрийского престола Фердинанд и его жена. Спустя несколько дней Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Союзницей Сербии была Россия, и Германия, союзница Австрии, объявила войну и ей.

– Все русские пойдут бить немцев, – заявил Алексей Васильевич, узнав об этом, – война будет народной!

Именным высочайшим указом в России была объявлена мобилизация. Штатские повально записывались в добровольцы. Митинги, которые поддерживали вступление России в войну, шли один за другим. По улицам раскатывались радостные крики манифестантов: «Ура!» К памятнику Скобелеву, героя Балканских войн, громадные толпы несли флаги и стяги, портреты государя императора и сербского короля Петра. То и дело раздавались крики: «Долой немцев, долой Австрию! Да здравствует Сербия, да здравствует Россия!»

В Охотном ряду люди потребовали зачеркнуть на вывеске ресторана название «Вена». А название гостиницы «Дрезден» сразу занавесили полотнищем.

– Как же нам нынче немцев дразнить? – спрашивал Алексей Васильевич жильцов, стараясь, чтобы это слышала Маша. – Надо бы им кличку покрепче дать!

– У немцев есть для них кличка, – ответил ему веселый жилец из восьмого номера, тот самый, что Грозу назвал когда-то Грозой. – Французы их швабами называют.

– Швабры, значит? – довольно улыбнулся швейцар. – Ну, швабры так швабры!

Кое-кто из носивших немецкие фамилии пожелал переменить их на русские. Рассказывали о том, что бывший московский градоначальник Рейнбот подал на высочайшее имя прошение о присвоении ему фамилии матери – Резвой. Ходатайство было удовлетворено. Правда, заглазно Резвого теперь дразнили урожденным Рейнботом…

– Может, и Готлибу вашему, Марья Никифоровна, пока не поздно фамилию сменить? – ехидствовал Алексей Васильевич. – Назваться Ивановым аль Петровым?

– А что ж, вот поженимся, глядишь, и назовется по мне, будет Егоровым, – спокойно отвечала Маша.

– Не грех ли за вражьего отпрыска замуж идти, когда война?! – бессильно злился швейцар.

– Ну, если государю нашему не грех быть женатым на немке, то и мне Бог простит, – следовал ответ.

Маша, гордо вскинув голову, уходила, а Алексей Васильевич шептал Грозе:

– Любовь, значит… Я б на Машеньке тоже женился, будь она хоть сто раз немкой!

– Что-то Алексей Васильевич озлобился, – печально сказала Маша племяннику. – Совсем другим человеком стал! Неохота мне тебя больше у него оставлять, да пока девать некуда. Но как сыграем с Готлибом свадьбу – сразу заберу к нам, слово даю!

Слова своего Маша не сдержала. Митингами и манифестациями дело не ограничилось: исстари недолюбливающий немчуру народ начал громить немецкие аптеки и магазины. Поскольку с 1 ноября 1914 года продажа водки, пива, портера, виноградных вин была запрещена, спирт стал отпускаться в аптеках по рецептам врача, а вино в небольших количествах можно было получить только в ресторане, то аптеки и винные лавки громили с особенным тщанием. Впрочем, доставалось и одежным магазинам: чтобы не во что было рядиться немецким шпионам!

Особенно разошлась толпа на Кузнецком мосту. Среди магазинов, разгромленных во время немецких погромов, оказался и пассаж Сан-Галли. Приказчики разбежались, но один из них, рыжий да голубоглазый, попытался защитить хозяйское добро. Его выволокли за руки, за

ноги и бросили толпе на расправу. Девку – русскую потаскуху! – которая воплем вопила, что это ее жених, а потому трогать его нельзя, приложили затылком о дверь – девка пала бездыханная. А от жениха-немчика вообще пошли клочки по закоулочкам…

После Машиных похорон Алексей Васильевич слег. Гроза работал за него, с ужасом думая, что, если с дядей Лешей что-нибудь случится, он останется совсем один. И некому будет учить его в свободную минутку грамоте, выпрашивать для него у жильцов книжки и мечтать, как отправит Грозу однажды в гимназию, а там и в университет. Некому будет накрывать его одеялом по ночам, поглаживать по голове, если снились кошмары: вот несется медведица, а Гроза кричит ей: «У меня в руках огонь!» – но огонь вырывается не из его рук, а из глаз и ударяет в медведицу, так что она с воем бросается наутек, клоня обожженную морду…

Алексей Васильевич, к счастью, отлежался, выздоровел. Сначала бродил по швейцарской, еле волоча ноги, но потом разошелся, опять взялся за свои дела, однако частенько плакал жалобно по Маше, по ее молодой загубленной жизни и по своей – бесполезно пропадающей, – и тогда брала Грозу такая тоска, что хоть из дому беги. Что он и делал по вечерам.

Он очень скучал по Маше – больше, пожалуй, чем по родной матери, потому что Антонина Никифоровна погибла, когда Гроза мало что соображал, а сейчас он был уже почти большой. Иногда чудилось, будто все беды мира сошлись вокруг и заглядывают ему в глаза, злорадно усмехаясь! Было жутко. Чтобы избавиться от страха и тоски, Гроза шлялся по улицам, заглядывал в окна, неплотно завешанные портьерами…

…Вот жарко блестит на столе, накрытом крахмальной скатеркой, самовар. В вазочках и на тарелочках лежат тонко нарезанный швейцарский сыр, «Угличская» колбаса с жирком, которую называли еще «Любительской», сухая пастила палочками и слоистый мармелад, мягкая сайка, испеченная на соломе, и вкуснейший шафранный хлеб, какой можно найти только в булочной Филиппова. Нынче приходили полотеры, и в воздухе еще витает душный аромат паркетной мастики, а также розовой воды, которую напрыскали из пульверизатора для освежения воздуха…

Гроза всматривался в лица сидящих за столом, мечтая, что здесь его дом, его семья, его друзья: вот эта девушка – Маша, этот пожилой господин – Алексей Васильевич, молодой человек – Готлиб, а мальчишка – тот самый черноглазый Вальтер, который научил Грозу диковинному и непонятному, пугающему и манящему слову – «гипноз».

Однажды девушка, в которой он представлял Машу, обернулась – и Гроза разглядел ее лицо. Это оказалась необыкновенная красавица – таких можно было увидеть на открытках модного художника Сергея Соломко, которые выставлялись в витрине самых дорогих писчебумажных магазинов. Царевна Лебедь или другая девушка-птица – Соломко их много рисовал, красавиц с глазами, похожими на черные солнца! Только эта девушка была живая, она двигалась, улыбалась – и Грозу словно прибило к мостовой. Смотрел бы на нее да не насмотрелся…

Красавица наклонилась, а когда выпрямилась, на руках у нее была пушистая белая собачонка. Красавица кормила ее кусочками пастилы, сыра, колбасы – все лопала болонка, в знак благодарности норовя лизнуть свою хозяйку в щеку.

«Везет этой шавке!» – завистливо подумал Гроза.

Вдруг раздался девчоночий голосок, окликавший:

– Марианна, Марианна!

Царевна Лебедь повернула голову. Значит, это она была Марианна!

У Грозы захватило дыхание от невероятной красоты этого имени. Да, ее не могли звать иначе!

Он чуть не каждый вечер бегал, чтобы полюбоваться на Царевну Лебедь, на Марианну. И в вечер, когда портьеры были задернуты слишком плотно или она не появлялась у стола, жизнь казалась Грозе пустой и несчастной.

Москва, 1937 год

Бокий свернул листок с донесением Нойда и спрятал в карман френча. Набросил легкую шинель: июнь начинался прохладным, к тому же одним из симптомов timor mortblis был непрекращающийся озноб, – и вышел из управления. Ноги невольно понесли его по улице Кирова на Сретенский бульвар, где убили Грозу, однако он заставил себя свернуть на Кузнецкий мост и медленно прошел до Пушкинской, пытаясь успокоиться.

Получалось плохо. И когда мимо промчался автобус (с некоторых пор, к великой радости поздних гуляк, ночами по Бульварному и Садовому кольцам и главным улицам с периодичностью в двадцать минут ходили регулярные автобусы), Бокий отпрянул с таким ужасом, что самому стало стыдно.

Наконец он увидел впереди, на углу, деревянную будку телефона-автомата, но еще некоторое время постоял, озираясь.

Было четыре часа утра; на небе слегка брезжило, но улицы оставались еще совершенно пусты.

Бокий решился: вошел в будку, снял трубку, нащупал в кармане шинели монету в пятнадцать копеек, опустил ее в прорезь и ни с того ни с сего вспомнил, как еще в тысяча девятьсот двадцать четвертом году управление Московской телефонной сети отдало распоряжение телефонисткам: не давать соединения тем абонентам, которые называют их барышнями. Приветствовались обращения «гражданка» или «товарищ», но все свелось, в конце концов, к «девушке».

На счастье, с 1933 года вся Москва перешла на автоматическую телефонную связь. А то сейчас только «девушки» не хватало, которая подслушивала бы его разговор с Нойдом и потом стучала куда надо…

Домашний и служебный телефоны Бокия, конечно, стояли на прослушке еще с тридцать пятого года, как, впрочем, телефоны всего руководства НКВД и даже – что вовсе уму непостижимо! – самого Сталина. Тайное прослушивание разговоров вождя было лишь одной из тех причин, по которой бывший нарком внутренних дел и генеральный комиссар государственной безопасности Генрих Ягода слетел со своего поста. Но после его отстранения, когда первый порыв возмущения прошел, была извлечена и несомненная польза из этого опыта. Прослушка служебных телефонов осталась, а уже с августа этого года, ходили слухи, 12-й административно-хозяйственный отдел ГУГБ будет переименован в отдел опертехники, и тогда на прослушку поставят домашние телефонные аппараты всех сотрудников НКВД.

Вообще всех. Тогда не больно-то позвонишь агенту Нойду к нему домой!

Ну что ж, надо пользоваться случаем.

Бокий набрал букву Г, обозначавшую Арбатскую телефонную станцию, и пятизначный номер.

Трубку сняли немедленно, и он представил себе агента Нойда, коротающего бессонную ночь в своей квартире на улице Воровского и мучительно ждущего звонка.

Есть, значит, еще кто-то, больной timor mortâlis!

Стало немного легче.

– Ну что, Ромашов? – проговорил Глеб Иванович, называя агента по фамилии, которую знали только он, Бокий, и сам Ромашов. Еще минувшей ночью эту фамилию знали четверо. Теперь, после гибели Грозы и его жены, осталось двое. – Прочитал я твой доклад… Что ж ты наворотил, а? Что ты наделал?!

На том конце провода молчали.

– Как ты думаешь, еще кто-то из оперативников мог узнать Грозу?

– Вполне возможно, – вздохнул Ромашов. – Вполне возможно. Слухи о нем ходили, сами знаете…

– Тогда надо было застрелить его на месте! – чуть не крикнул Бокий. – Там же, во дворе!

– Я не успел, – послышался новый вздох. – Если бы я ожидал его там увидеть, если бы я мог предположить, что он в это замешан… Нас там было несколько человек, все с оружием на изготовку, но «огонь» Грозы… он неодолим.

– Был, – уточнил Бокий.

– Был, – повторил Ромашов с какой-то странной интонацией. – Был, вот именно…

– Объясни, почему ты сразу не позвонил мне, а заставил ждать, пока напишешь доклад?

– Я пытался связаться с вами, но вы до полуночи оставались на совещании.

Это была правда.

– А знаешь, что мне кажется, Ромашов? – вкрадчиво проговорил Бокий. – Мне кажется, ты хотел дать Грозе шанс спастись. Ты же знал, что он этих твоих агентов расщелкает, как орешки, да еще если жена поможет.

– Он был не в том состоянии, Глеб Иванович, чтобы их расщелкать! – запальчиво возразил Ромашов. – «Огонь», который он бросил в подвале, не только нас вывел из строя, но и, если так можно выразиться, выжег его изнутри. Он не мог далеко уйти, я это знал. Мне такое не раз приходилось наблюдать – в прошлом. А силы его жены… Ну вы же знаете, что Лиза превосходный медиум, но как индуктор довольно слаба.

– Была, – снова уточнил Бокий.

Ромашов издал какой-то звук, словно внезапно поперхнулся, потом заговорил хрипло:

– Я поступил так, как считал нужным, я считал, что так будет лучше. Предполагать, что я готов был дать Грозе шанс, – это…

Он снова поперхнулся и умолк.

Бокий слушал, как Ромашов громко дышит в трубку. Он кое-что знал об истории его отношений с Грозой и его женой и предполагал, что Ромашов все же лукавит. Возможно, он и в самом деле дал агентам задание прикончить Грозу, но не трогать женщину. Сломать потом ее сознание и выведать все, что она знала о заговоре, было бы довольно просто. Тогда у Бокия появился бы шанс оправдаться и объяснить, почему сотрудник 9-го отдела оказался в числе заговорщиков. При большой удаче можно было бы даже повернуть дело так, будто Грозу внедрили к этим оккультистам и он разрабатывал их, готовясь сдать. И сопротивление оперативникам можно было бы как-то оправдать, потому что отделы соперничали между собой и левая рука не всегда знала, что делает правая.

Впрочем, нет. Если бы Гроза был человеком Бокия среди заговорщиков, ему не было бы смысла бросаться в бегство со всем семейством.

Но! Из этой ситуации тоже есть возможность вывернуться. Например, Гроза предвидел, что его могут уничтожить, как всех прочих заговорщиков, и хотел обезопасить семью, прежде чем обратиться к Бокию за помощью…

Об этом стоит подумать. Возможно, это выход. Но Ромашову знать об этом не обязательно. Он должен чувствовать свою вину. И страх…

Какая путаница! Какая путаница! С одной стороны, Грозы вроде бы нет в списках заговорщиков. С другой стороны, там они все значились под кличками, и вполне вероятно, что где-то существуют и скоро будут обнаружены и другие списки, где все записаны полными именами и фамилиями. И Дмитрий Александрович Егоров, год рождения 1903, там значится…

Надо исходить из худшего.

И вдруг Бокия осенило.

– Где документы Егоровых? – спросил он небрежно. – У тебя еще?

– Да, конечно, – сказал Ромашов.

– Вот и подержи их у себя.

– Вам не передавать? – удивился Ромашов – и тут же замолк.

Понял. Всегда был понятлив!

Пока Бокию официально не стало известно об участии сотрудника его отдела в заговоре, он относительно чист. Письмо Ромашова было передано через конспиративный «почтовый ящик», о его существовании никто не знает, кроме них двоих. В данный момент, если взглянуть со стороны, Ромашов – виновник убийства одного из возможных заговорщиков и сокрытия данных о нем. И мотивы под эти действия можно подвести какие угодно. Или желание скомпрометировать 9-й отдел, откуда он был некогда уволен по причине профессиональной бесполезности, – или чисто личные счеты. Об их с Грозой многолетней взаимной неприязни известно всем (хотя о причинах ее никто после смерти Артемьева не знает… Может быть, за исключением самого Бокия). И вот, чтобы свести старые счеты с Грозой, Ромашов вызвал его к месту сборища заговорщиков. Ну а тот, стремясь спастись от смерти, вынужден был «бросить огонь»…

Да как угодно можно повернуть ситуацию!

Ужас понятливого агента Бокий ощущал буквально физически!

Вот и хорошо. Ничего не надо объяснять.

– Я тебе вот что скажу, – наконец проговорил Бокий, насладившись этим мучительным для Ромашова молчанием. – Тебе страшно повезло, что Гроза отшиб твоим агентам память. Оказал тебе, так сказать, последнюю услугу… Не вздумай с перепугу эти документы уничтожить. Уж об этом агенты точно помнят – о том, что их тебе передали!

– Они помнят, что передали мне дамскую сумочку, – быстро сказал Ромашов. – И не смогут доказать, что там были именно документы.

– Повезло тебе, – усмехнулся Бокий. – Повезло… И все же за твою самодеятельность придется ответить. Из-за тебя погиб единственный человек, который мог бы внести в эту историю какую-то ясность.

И тут его осенила мысль, что, возможно, оперативники так стремительно расправились с оккультистами именно потому, что никакой ясности вносить в эту историю было не нужно! Возможно, эта самая ясность оказалась бы вредна для чьего-нибудь здоровья. Возможно, за этим заговором стоит более значительная персона, чем какие-то полусумасшедшие колдуны и даже сотрудники 9-го отдела.

Эта догадка требовала внимания, спокойного внимания и всестороннего осмысления…

А разговор с Найдом пора было заканчивать.

– Ты должен свою ошибку исправить, – резко сказал Бокий. – Необходимо найти детей Грозы. У них в памяти могли бессознательно запечатлеться какие-то детали разговоров, они могли видеть тех людей, которые приходили к Грозе. Если проникнуть в их память, можно узнать очень многое. Кроме того, если они и в самом деле унаследовали хотя бы часть талантов Грозы – это не просто ничего не соображающие свидетели, но и бесценные сокровища для будущего. Ты мне на глаза лучше не показывайся, пока этих младенцев не найдешь. В них твое спасение и оправдание.

– Где же я их найду, Глеб Иванович? – ошеломленно спросил Ромашов.

Не так уж он и понятлив, оказывается!

– Мне почему-то кажется, что своими ногами они со Сретенского бульвара уйти не могли, верно? – едко усмехнулся Бокий. – Значит, их кто-то унес. Унес и скрывает. Кто? Вот и подумай, поищи. И мой тебе совет – найди их! Понял?

– Понял… – раздался в трубке тяжелый вздох.

– Не слышу ответа! – процедил Бокий сквозь зубы.

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга![16]

Вот именно. А то распустился – Глеб Иванович да Глеб Иванович…

– Приступить немедленно!

[16] Это звание сотрудников НКВД в те годы соответствовало общевойсковому званию комкор (командир корпуса).

– Есть, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга! – отчеканил Ромашов.

Москва, 1916 год

Шла война; все шла да шла, никак не кончаясь. Победой что-то не пахло, и все чаще появлялись на улицах бедно одетые люди, кричавшие о том, что Россия погибнет, а потому надобно замиряться с немцами и отпускать солдат по домам. Они назывались агитаторы. Многие из них даже листовки разбрасывали с теми же призывами. Кто-то слушал их, кто-то звал полицию: агитаторов ловили и уводили.

Удлинялись очереди за хлебом; продукты вздорожали… Да вообще вздорожало все. Извозчики заламывали такие цены, что правительству пришлось вмешаться и запретить им брать с седоков больше рубля за дальние поездки. Стоимость билетов в театры, синематограф и цирк тоже сильно возросла, однако очереди в кассы, как ни странно, только увеличились, особенно в воскресный день. Люди искали хоть что-нибудь, что могло бы дать пусть недолгое забвение, что могло отвлечь от ожидания, от страшных вестей, приходивших с фронтов. Кроме того, в театральных и цирковых буфетах можно было вволю попить пива и даже вина. Правда, буфеты эти дешевизной не отличались, зато в них продавали такие лакомства, которые даже в магазинах Филиппова и Генералова, даже во французских кондитерских не сыщешь: например, пастилу в шоколаде, или пирожные под названием «Сладкая колбаса», или тянучки с орехами, или клюкву в сахаре. Все эти сладости нарочно для театров и цирков готовила одна небольшая итальянская кондитерская.

И вот как-то раз Алексей Васильевич решил сводить приунывшего в последнее время Грозу в цирк – да и самому развеяться.

Хвалили два цирка: Соломонского на Цветном бульваре и Винклера в саду «Эрмитаж». К Винклеру не удалось достать билетов – там выступали лилипуты, которые пользовались сокрушительной популярностью, и, вдобавок чревовещатель, виртуозно говоривший животом. Вся Москва как с ума по нему сошла! К Соломонскому Алексея Васильевича ноги не несли после того, как несколько лет назад он был там с Машей. Во время этого представления акробатка сорвалась с трапеции и разбилась. Маша пришла в такой ужас, что Алексей Васильевич еле живую довел ее до дому. Потом в газетах писали, что какой-то рабочий сцены, влюбленный в акробатку и отвергнутый ею, подрезал страховочный трос.

Славился также цирковой театр «Крошка» на Старой Божедомке, где частенько выступал знаменитый дрессировщик Владимир Дуров со своими свиньями, собаками, ежами, гусями, мышами, крысами и прочим зверьем и птицей. Туда и решил пойти Алексей Васильевич. Рассказывали, Дуров истинные чудеса выделывает со своими «артистами». Чаще его театр просто так и называли: «Уголок Дурова».

Места здесь были ненумерованные, поэтому лучшие занимали те, кто приходил пораньше. Алексей Васильевич это знал, так что они с Грозой явились в числе первых и уселись на превосходные места: в пятом ряду, с которого начиналось возвышение. Теперь даже самые пышные прически и затейливые шляпки дам, сидевших впереди, не могли им помешать.

Ряды постепенно заполнялись, однако два места слева и справа от Алексея Васильевича и Грозы оставались свободными, словно заговоренные. Потом Алексей Васильевич заметил вот какую странность. Подойдет человек, только рот откроет спросить, свободно ли сиденье, да тут Гроза повернет голову, глянет на него – человек и уходит искать другое место.

– Слушай, – наконец спросил озадаченный Алексей Васильевич, – они тебя пугаются, что ли?

– Ага, – весело сказал Гроза, – они мне как-то не нравятся, ну, я и говорю, что на сиденье лужа.

Алексей Васильевич поглядел на него поверх очков, потом оглядел сиденья – совершенно сухие! – и засмеялся:

– Врешь ты, шут гороховый! А чего такой бледный стал?

– Да ну, ерунда, – отмахнулся Гроза, который и в самом деле как-то очень побледнел.

Однако люди по-прежнему уходили прочь от двух свободных сидений. Алексей Васильевич нахмурился. Странно, конечно… А что, если Гроза не врет? Да ну, ерунда…

– Марианна, смотри, вон свободные места! – раздался вдруг веселый девчоночий голосок. – В пятом ряду, смотри!

И в следующую минуту мимо сидящих начали протискиваться высокая взрослая барышня и девочка лет десяти с длинными темно-русыми косами.

– Не вздумай шутки свои шутить, – прошептал Алексей Васильевич. – Ты погляди, какая красавица!

Барышня и впрямь была красоты неописуемой. Вьющиеся золотые волосы, распущенные по плечам, а глаза черные, словно у персиянки какой-нибудь. Белая скромная блузочка лишь подчеркивала яркие краски ее лица. Мужчины, мимо которых ей следовало пройти на свободные места, поднимались и снимали шляпы.

Барышня, впрочем, шла, ни на кого не глядя, чуть поджав губы, словно не замечая, какое смятение содеяла. Зато девочка, которая пробиралась следом, рассыпала во все стороны улыбки и еще успевала бормотать по-французски:

– Мерси, мсьё, мерси, мерси…

Наконец красавица дошла до Грозы. Он как перестал дышать; услышав это удивительное имя и увидев ее, так и сидел, вылупив глаза. Ведь это была Царевна Лебедь!

– Извините, молодой человек, – сказала барышня, опустив завесу ресниц на свои несравненные очи, – не могли бы вы передвинуться? Я бы хотела, чтобы моя сестра была рядом со мной.

Гроза едва ли услышал эти слова: сидел сиднем и таращился на красавицу. Алексей Васильевич силой стащил его со стула и пересадил на другое место, слева от себя.

Гроза немедля высунулся и снова уставился на Марианну с ошалелым выражением.

– Не смотри на нее, – прошипел Алексей Васильевич уголком рта, сам, впрочем, не сводя глаз с Марианны.

– А я тебя знаю! – вдруг сказала девочка, выглядывая из-за красавицы и улыбаясь Грозе. – Я тебя видела. Ты вечерами под окошками Марианны стоишь.

Грозе почудилось, будто его жарят живьем. Люто взглянул на девчонку, однако та лишь улыбнулась в ответ:

– Не обижайся. Ты не один такой! – И хихикнула: – Спасибо, что ты хоть серенады моей кузине не пел, а то мы уже такого наслушались…

«У меня в руках огонь, – подумал Гроза, глядя на нее напряженным взглядом. – Огонь!»

По сравнению с сестрой она казалась просто уродиной. Лягушкой какой-то! Да еще глаза зеленые! Вот только русые косы были хороши. Ну и еще не бывает, конечно, у лягушки родинки на щеке, как раз около улыбающегося рта…

Гроза вдруг почувствовал, что «бросать огонь» ему совсем не хочется в эту веселую девчонку. Злость на нее улетучилась.

– Лиза, помолчи, – одернула ее Марианна. – Лучше на сцену смотри, да повнимательней.

Гроза и девочка по имени Лиза так увлеклись своими переглядками, что только сейчас заметили: уже началось выступление! Зрители аплодисментами приветствовали появление на сцене высокого дородного человека в клоунском белом костюме с пышным жабо. На голове его топорщился смешно завитый белый кок. Лицо у него было нарумянено, набелено и раскрашено так, что одна бровь казалась печально опущенной, а другая круто взлетала под самый кок. В руках он держал длинный хлыст.

Это и был знаменитый дрессировщик Владимир Дуров.

Грянули аплодисменты.

– Достопочтенная публика! – крикнул артист, раскланявшись. Голос его, точно как брови, то взлетал до писка, то понижался до баса. – Приглашаю вас на собачью свадьбу!

Тощий тапер во фраке, сидевший за побитым фортепьяно, ударил по клавишам. Сразу стало ясно, что фортепьяно расстроено до безобразия, однако это не имело никакого значения: его звуки заглушил неистовый собачий лай!

Гроза покосился на Марианну – она напряженно смотрела на сцену.

Первым из-за кулис выбежал черный пуделек в фуражечке с лакированным козырьком. За околыш была заткнута бумажная белая хризантема.

– Жених! – перекрывая общий шум, крикнул громовым голосом Дуров. – А это его шафер.

К черному пудельку подбежал другой, коричневый, тоже в фуражечке, но за околыш была заткнута не хризантема, а розовая розочка.

– Встречайте невесту! – провозгласил Дуров, и на сцену выехала коляска, запряженная двумя жирными мопсами.

В коляске сидела белая кудрявенькая болонка в веночке и фате, а следом бежала целая свора разномастных и разновеликих собачонок в цветастых юбочках или штанах.

Это было невообразимо смешно, и публика дружно расхохоталась, только Марианна попыталась что-то крикнуть, но не смогла, лишь заломила руки, и Грозе показалось, что по ее щеке скатилась слезинка.

А мопсы как ошалелые носились по сцене, едва не переворачивая коляску. Дуров подставлял свой хлыст другим собакам, и те перескакивали через него то поодиночке, то враз несколько, а когда Дуров поднимал хлыст, собаки тоже поднимались на задние лапки и кружились, будто танцевали.

Но вот Дуров убрал хлыст за спину – и собаки замерли, сели на задние лапки, подняв передние. Слаженность их движений была поразительная! Зал восхищенно зааплодировал, а когда Дуров вскинул руку, наступила тишина.

– А теперь невеста будет прощаться со своей девической жизнью! – заявил Дуров.

Зрители захлопали, засмеялись, однако Марианна вдруг вскочила и крикнула:

– Белоснежка!

Собачка-невеста повернула голову и громко, радостно залаяла. Потом она выскочила из коляски и ринулась со сцены.

– Стой! – завопил Дуров, однако болонка уже соскочила к рядам и побежала под креслами.

Одно мгновение – и Марианна, нагнувшись, подняла ее с пола, выпрямилась, прижимая к себе и целуя:

– Белоснежка! Лапушка! Радость моя!

Гроза вспомнил, что уже видел эту собачку – видел, когда подглядывал в окно Марианны.

Ну конечно! Это она лизнула свою прекрасную хозяйку в щеку, и Гроза ей тогда отчаянно позавидовал. Но как же болонка попала к Дурову?!

– Отпустите собаку, мадемуазель! – сердито приказал дрессировщик.

– Вы ее украли! – выкрикнула Марианна, но голос ее прервался от слез.

Тогда Лиза, подскочив, завопила пронзительно:

– Украли, да! Мы ее по всем зоосадам, по всем циркам искали, а это вы, значит, воришка! Как только не стыдно!

В зале поднялся шум.

Дуров какое-то мгновение молчал, потом крикнул:

– Невесту похитили! Придется Фильке жениться на другой!

Он швырнул в коляску первую попавшуюся собачонку в юбочке, туда же бросил черного пуделька и щелкнул хлыстом. Мопсы опрометью понеслись в кулису, но запутались в упряжи и опрокинули тележку. Жених с невестой бросились в разные стороны.

– Вот что происходит, когда в браке нет любви! – печально провозгласил Дуров – и зал разразился дружным хохотом.

Засмеялись даже Лиза с Марианной.

– Прекрасная мадемуазель! – крикнул Дуров со сцены. – Умоляю вас не портить представление. Иначе мне придется вернуть зрителям деньги за билеты, а я ведь жадный! Лучше удавлюсь, чем с копейкой расстанусь. Подождите, Христа ради, пока все кончится, а потом мы с вами решим полюбовно судьбу похищенной вами Филькиной невесты.

У зрителей уже не было сил хохотать – они плакали от смеха и сквозь всхлипывания просили Марианну не прерывать представление.

Наконец она кивнула и села, прижимая к себе Белоснежку.

Лиза радостно пискнула, покосилась на Грозу, почему-то погрозила ему пальцем и опять уставилась на сцену, где теперь резвились свиньи, пришедшие поздравить с именинами самую из них толстобрюхую по имени Хавронья Ромуальдовна.

Потом разыгрывали басни Крылова. Звери творили истинные чудеса, особенно в басне «Ворона и лисица». Публика ладони себе отшибла!

Под конец вышли гуси, которые плясали гопак и «камаринскую». Когда закончили плясать, Дуров взял одного гуся на руки и, прижав к себе (гусь своим оранжевым носом нежно пощипывал его за ухо), обратился к зрителям:

– Господа хорошие! Знаете ли, как зовут этого гуся? Нет? Зовут его Сократом. Я уже много лет называю так своих самых умных птиц в память об одном гусе, который был у меня когда-то в пору моей молодости. Это было изумительное существо. Истинный друг! Когда было тяжело, Сократ подходил ко мне и, склонив голову, участливо смотрел на меня. Он понимал мое настроение, разделял мои радость и страдание. Но однажды под Рождество случилась беда. Хозяин цирка не заплатил за выступление. Кормить моих питомцев было нечем. Я бросился по знакомым занимать деньги. А вернувшись, застал в цирке пирушку. Артисты ели жареного гуся. Это был Сократ.

Зал громко ахнул.

– Я никогда не ем гусятину ни на Рождество, ни в другие дни, – продолжал Дуров. – Никогда! Лучше голодать буду! Но я не хочу, чтобы мои звери голодали, а потому, достопочтенная публика, киньте, кому не жалко, хоть копейку на дополнительное питание для моих питомцев, которые так славно вас повеселили!

С этими словами Дуров пустил со сцены Сократа, навесив ему на шею маленькую корзиночку. С такими же корзиночками бросились в зал две собаки. Монеты сыпались туда дождем!

– Ну и хитрец! – воскликнул восхищенно Алексей Васильевич, опуская в корзиночку гуся пятиалтынный. – А вы, барышня, лучше идите поскорей домой со своей собачкой, – посоветовал он Марианне. – А то как бы вас не задержали да не устроили скандал!

Марианна вскочила, прижимая к себе Белоснежку, начала торопливо протискиваться к выходу, однако было поздно: Дуров уже соскочил со сцены:

– Погодите, прекрасная дама. Вы что же, собрались украсть мое животное?

– Как это ваше? – возмутилась Марианна. – Это моя собака.

– Я подобрал ее на улице, – спокойно сказал Дуров. – Она была совершенно ничья.

– Да она нечаянно убежала, когда к нам гости пришли! – воскликнула Марианна. – А мы не сразу ее хватились. Потом бросились искать, но где там… И вдруг наш сосед говорит, что видел Белоснежку на представлении! Да вы же сами понимаете, что она моя! Она меня узнала, она бросилась ко мне на руки!

– Ну, положим, это ничего не значит, – пожал плечами Дуров. – Но раз вы так говорите, я готов поверить и вернуть вам эту хорошенькую игрушку…

Люди, которые столпились вокруг (почти все остались в зале, любопытствуя узнать, чем кончится эта история), зааплодировали, однако Дуров вскинул руку – и все стихло:

– Но не даром! Я ее кормил и дрессировал в течение двух недель. Раньше это была просто миленькая собачонка, а теперь – актриса! Прима! Вы должны мне возместить затраты. Кроме того, вы сорвали мой лучший номер… Это тоже требует возмещения.

Марианна растерянно моргнула, но через минуту снова обрела свой уверенный и даже высокомерный вид:

– Да, хорошо. И сколько же вы хотите?

– Не так много. Двести рублей.

Зрители хором ахнули.

Двести рублей?!

Правильно Дуров про себя говорил, дескать, он жадный…

Нет, ну кем же это надо быть, чтобы такую сумму выложить?! Даже штабс-капитан армии получал девяносто рублей жалованья в месяц. Начальник почтово-телеграфного округа – 290. Самые богатые чиновники – депутаты Государственной думы! – получали в месяц 350 рублей. Но небось даже депутат не станет тратить на собачку больше половины жалованья!

– Да вы что, сударь?.. – пробормотала Марианна. – Да мыслимо ли такое?

– Немыслимо так немыслимо, – покладисто сказал Дуров. – Не желаете платить – собачка останется у меня. И имейте в виду, сударыня, что в саду городовой дежурит, поэтому советую удалиться без скандала!

– Да что же это такое?! – воскликнула Лиза плачущим голосом, моляще оглядываясь, словно надеялась: вдруг кто-нибудь да придет ей на помощь. Ее глаза, полные слез, встретились с глазами Грозы, и он внезапно шагнул вперед.

А Дуров был вполне убежден в своей победе. Он уже властно протянул руку к Белоснежке, как вдруг раздался мальчишеский голос:

– Дяденька…

Дуров повернулся.

На него смотрел какой-то парнишка в синей косоворотке.

– Чего тебе? – небрежно глянул на него Дуров.

И замер.

Почему-то он не смог отвести взгляд от серых глаз мальчишки. Зрачки его расширились, глаза залило чернотой. У Дурова мелькнула мысль… этот взгляд ему что-то напоминал, это было как-то связано с его работой… В то же мгновение все мысли исчезли, кроме одной: «Отдай собаку Марианне. Отдай собаку! Отдай! А то… А то я брошу тебе огонь в лицо! Чуешь? Еще хуже будет!»

Дуров зажмурился, резко помотал головой, потом робко приоткрыл глаза. Их жгло, и лицо горело.

– Что с вами? – испуганно спросил кто-то.

– Марианна, кто из вас Марианна? – пробормотал Дуров.

– Я, – отозвалась очаровательная хозяйка собачки.

– Берите свою Беляночку или как ее там, – с трудом выговорил Дуров.

– Белоснежку! – растерянно подсказала Марианна.

– Да какая разница! – буркнул Дуров, отворачиваясь и прикрывая ладонью слезящиеся глаза.

Он побрел к сцене, но вдруг услышал, как сзади тревожно загомонили люди.

Дуров медленно обернулся. Сероглазый мальчишка бессильно повис на руках немолодого человека, который испуганно бормотал:

– Гроза, ты что? Гроза?!

У Дурова сильно закружилась голова, его шатнуло, он почти упал, навалившись на железную бочку с песком, стоявшую неподалеку от сцены. Директор «Эрмитажа» настоял на том, чтобы эстрада была обставлена большими бочками с песком и с водой: бывало, что от фокусов с огнем вспыхивали то занавес, то костюмы артистов, а иной раз даже перья на шляпках дам из первого ряда.

Дуров с трудом подавил желание зарыться в этот песок горящим от боли лицом.

Спустя несколько мгновений в голове чуть прояснилось, и Дуров вдруг понял, что этот сероглазый мальчишка сделал с ним то же самое, что он сам делал со своими животными: внушил ему свою волю. Но если Дуров заставлял животных только слушаться его и делать все, что он прикажет, то мальчишка внушил ему страх! Нет, ужас, настоящий ужас!

С Дуровым однажды было такое… Один раз ему это тоже удалось… Он сам был еще мальчиком, когда на него бросился огромный пес. Стало невыносимо страшно, но он мгновенно собрал свой страх в комок и словно бы перебросил его собаке. Во всяком случае, так ему показалось. Но это произошло только один раз – потом ему всякий раз приходилось собираться с силами, очень напрягаться, чтобы внушить животным свое приказание. А с людьми у него почти ничего не получалось. Один раз заставил приятеля почесать за ухом. Но совсем даже не был уверен, что у этого приятеля и в самом деле там не зачесалось…

А этот мальчишка! Он холодно и спокойно заставил Дурова не только изменить свое намерение, да еще и напугал его! Как бы играючи!

Да что же это за сила у мальчишки?! Что за сила?!

Дуров повернулся, продолжая держаться за бочку, чтобы не упасть, и обнаружил, что зал почти опустел. Не было ни Марианны, ни ее сестры-защитницы, ни почтенного человека, который поддерживал мальчишку… И не было самого мальчишки!

Дуров кинулся вон из зала, пробежал по дорожкам сада, потом выскочил на Старую Божедомку. Завидев его в клоунском костюме, люди останавливались, преграждали дорогу, смеялись, аплодировали… Но ни следа ни красавицы Марианны с ее собачонкой, ни этого мальчишки не было.

Горький, 1937 год

Соседка подхватилась в девятом часу, когда поезд уже миновал пригород, Дзержинск:

– Чуть не проспали!

Ольга с трудом села: тело затекло – ведь она пролежала всю дорогу на левом боку.

Женечка уже проснулась: почмокивала потихоньку губами и слегка ворочалась, как бы намекая, что пора бы ее покормить и перепеленать, но не кричала – терпеливо ждала.

– В туалет очередь, – недовольно проворчала Фаина Ивановна. – Даже не умыться! Вы, конечно, молоденькая, прошлого времени уже не застали, а я вот отлично помню, как на Нижегородской дороге на полустанках близ больших городов стояли женщины с ведрами и кувшинами воды и предлагали пассажирам умыться. У Павловской и Гороховецкой платформ стояли десятки таких умывальщиц! Платили кто сколько может, однако, если бросишь медяк вместо серебра – получишь площадную брань вместо умывания.

Ольга, краем уха слушая и хлопоча над Женей, даже не заметила, как за окнами замелькала Сортировка с остовами разбитых вагонов на запасных путях и горками шлака, отсыпанными вдоль рельсов.

– Вот они, хулиганы! – крикнула Фаина Ивановна, отшатываясь от окна. – Берегитесь!

И в самом деле – на крышах старых вагонов и на горках шлака стояли мальчишки и швыряли в проходивший поезд. После Сортировки он замедлял ход, так что попасть в его окно при известной ловкости труда не составляло.

Ольга забилась в самый угол, прикрывая собой Женю, но та, как нарочно, завертелась, забилась, словно хотела во что бы то ни стало выглянуть в окно.

В это мгновение стекло задребезжало, Ольга испуганно вскрикнула, прижав к себе Женю, но оно не разбилось.

Еще несколько камней ударили в стены вагона, но вот Сортировка осталась позади, и Фаина Ивановна радостно воскликнула:

– Обошлось!

И вдруг всплеснула руками:

– Да вы только поглядите!

Ольга боязливо приподнялась и увидела, что к стеклу, покрытому трещинами, с обратной стороны как бы прилип довольно увесистый камень. Если бы он разбил стекло, их всех осыпало бы осколками! Но каким-то чудом он не влетел в окно.

– Как же он держится, не пойму?! – изумленно пробормотала Фаина Ивановна.

Женя довольно загукала.

Камень отвалился. Женя широко раскрытыми глазами уставилась на стекло, подернутое паутиной трещин.

– Померещилось, что ли? – озадаченно выдохнула Фаина Ивановна.

В купе заглянул проводник, разохался, увидев треснувшее стекло, сообщил, что нынче у него обошлось легким испугом, а во всех соседних вагонах окна крепко побили, и вышел, не забыв предупредить, что вот-вот Горький: прибывают к первой платформе.

Едва поезд остановился, как в вагон, расталкивая выходящих пассажиров, проворно заскочил высокий смуглый мужчина в мягкой шляпе и светлом костюме. Вбежал в третье купе и немедленно кинулся целовать ручки Фаине Ивановне, восклицая:

– Наконец-то! Наконец! Заждался я вас, дорогая моя, самая дорогая!

У него были очень тонкие и очень темные брови и аккуратно подбритые усики, похожие на усы главного немецкого фашиста Гитлера. Ольга подумала, что в кинокартинах почти все отрицательные персонажи носят такие усики. Например, актер Масальский, который в фильме «Цирк» играл этого, как его… Ну, который угрожал Орловой рассказать, что у нее сын негритенок… Не важно, как его фамилия, короче, у него были точно такие же усы!

Ольга подумала было, что это муж Фаины Ивановны, но тотчас отказалась от этой мысли: во-первых, мужчина гораздо моложе ее соседки по купе, а во-вторых, на «вы» мужья к женам только до Октябрьской революции обращались, сейчас такого не услышишь!

– Полно врать, товарищ Андреянов! – насмешливо отдернула руки Фаина Ивановна. – Не по мне вы соскучились, а по моим…

Но тут же она перехватила любопытный взгляд Ольги и осеклась, а потом сказала:

– Познакомьтесь-ка лучше с моей попутчицей. Кабы не она, а вернее, кабы не ее дочка, меня бы ночью ограбили, а может быть, даже и убили бы!

Андреянов так и ахнул:

– Да что вы говорите?!

Фаина Ивановна принялась повествовать о случившемся во всех подробностях. Андреянов уставился на Ольгу, высоко подняв брови, и она вдруг заметила, что они тоже подбриты, как и усики, да под ними еще и слегка припудрено, чтобы незаметны были следы бритья.

Такие брови Ольга раньше видела только у артистов и… и у педерастов, которые искали себе новых любовников в московских трамваях. Чего она только за время своей работы кондукторшей в трамвае на линии Б не нагляделась! Ну, что женщин в вагонах тискали почем зря, это само собой разумеется. Она сама лишний раз боялась отправиться народ обилечивать: ждала, пока ей деньги передадут, а не то ведь облапают всю. Рассказывали, одну девушку – не из их Краснопресненского депо, а из Петровского, что ли, – даже изнасиловали в давке,

пока трамвай шел от одной остановки до другой! Ольга в это не сильно верила, но уточнять, возможно ли такое, все-таки не отваживалась.

Однако таким вот… подбритым, как этот Андреянов… на женщин было наплевать. Войдет такой, с брезгливым выражением на физиономии протиснется в самую толкучку и отведет руки назад. Трамвай качнется – подбритый и упрется в мужской передок.

Велика вероятность тычка получить или такой мат услышать, что уши повянут, но этим все нипочем! Непременно нащупают такого, кому все эти их пакостные удовольствия в охотку. И выйдут из трамвая уже вдвоем. Вот честное-пречестное слово, Ольга сама сколько раз такое видала!

Впрочем, хоть брови у Андреянова и были словно у педераста, но глаза у него оказались самые что ни на есть мужские. Даже слишком. Он на Ольгу не смотрел, а просто-таки раздевал ее – догола раздевал да еще и щупал. И это только взглядом!

Фаина Ивановна даже возмутилась:

– Вы бы поосторожней в гляделки играли, товарищ Андреянов. Олечка, наверное, к мужу едет, да?

Ольга неловко кивнула. Она собирала Женины вещички, но у нее из рук все сыпалось под этим жадным взглядом.

– К му-жу? – недоверчиво протянул Андреянов, играя глазами. – Печа-альное известие. И кому же повезло сделаться мужем такой, с позволения сказать, мила-ашки?

– Рот заткните, гражданин, – зло буркнула Ольга и отвернулась к Жене.

Злилась она больше на себя, а не на Андреянова. Таких мотылечков, которым лишь бы посидеть на цветочках, а на каких – без разницы, она во-от сколько навидалась, но никогда не смущалась от их липких взглядов и дурацких приставаний. Разве что по первости, когда только стала кондукторшей работать. Потом привыкла и в упор их не видела. А тут каждый взгляд Андреянова ее будто огнем жег!

– Получил, Толик? – захохотала Фаина Ивановна. – Это тебе не моих бессловесных курочек щупать!

Ольга этими словами чрезвычайно озадачилась. Это какие же курочки есть у Фаины Ивановны, которых Андреянов щупает?

В купе заглянул начальник поезда и попросил Фаину Ивановну выйти.

Ольга собрала вещи, взяла на руки весело гукавшую Женю.

Андреянов не переставал шарить по Ольге своими черными глазами. Вот честное-пречестное слово, словно осенние мухи по ней бегали и аж покусывали! Ольга была настороже, каждую минуту готовая дать Андреянову по морде, если вдруг полезет с пакостями, однако тот ничего – рукам воли не давал, только смотрел глаз не сводя да иногда нервно облизывал губы.

Вошла Фаина Ивановна, засмеялась:

– Меня чуть не на коленях уговаривали не заявлять в милицию на этого воришку ночного. Мол, семеро по лавкам, нужда заставила, то да сё. Да я и сама не собиралась – больно мне нужно полдня терять попусту, тем более все без толку. Сумка при мне, дурня этого из проводников и так турнут – совсем не обязательно его за решетку швырять. Пусть живет.

– Да и вообще, – поддакнул Андреянов, – в вашем курятнике гости в форме и даром не нужны, верно, Фаина Ивановна?

– Бери чемодан и иди, – спокойно посоветовала Фаина Ивановна и улыбнулась Ольге: – Собрались? Пойдемте. Товарищ Андреянов на машине, мы вас подвезем.

– Нет, – мотнула головой Ольга. – Спасибо, нет. Я на трамвае. Отсюда первый номер идет до улицы Милиционера.

– Улица Милиционера… – задумчиво повторил Андреянов. – Это же отсюда сколько остановок? Девять, кажется? Ничего себе!

– Ничего, это быстро, – пробормотала Ольга.

Можно было представить, что начнется дома, если кто-нибудь увидит ее подъезжающей на машине! Мало того что вернулась неожиданно, что с ребенком, да еще на машине! А нынче как раз последний день шестидневки, выходной[17], все дома. И ведь Андреянов, конечно, увяжется ее провожать. Чемоданчик поднесет. До дверей. И увидит, что никакого мужа у Ольги нет! Есть ругательница мачеха да больной отец.

Хотя какая Ольге разница, что о ней подумает Андреянов? Увидела она его сегодня в первый и последний раз. Пусть подвезет. На самом-то деле от трамвайной остановки до дома еще идти да идти! И денег не платить – хоть невелики деньги 25 копеек, а все же! Можно будет попросить остановить машину не на углу Ижорской, где их дом, а где-нибудь пораньше, на Белинке, возле нового Оперного театра, из-за которой восьмую линию[18] два года назад назвали улицей Оперной.

Она уже почти согласилась было, однако Андреянов, выходя из купе с громоздким чемоданом Фаины Ивановны, тихонечко причмокнул губами и игриво подмигнул – и Ольга снова мотнула головой, внезапно передумав:

– Нет. Я сама. Спасибо.

– Ну, нет так нет, – кивнула Фаина Ивановна. – Иди, Толик, иди, кому сказано! Нам еще немножко поговорить надо.

Андреянов картинно-уныло вздохнул, однако Фаина Ивановна задвинула дверь купе прямо перед его носом.

– Не обращайте на него внимания, Толик неплохой человек, только придуриваться любит, – усмехнулась она. – Он начальник большого управления, кто бы на его месте не придуривался? Слушайте… я вас еще раз поблагодарить хотела. Вашу дочку, вернее. И вы уж простите, что я вам из-за нее нагрубила сначала.

– Что вы… что вы… – залепетала Ольга, у которой никто и никогда в жизни еще не просил прощения. – Что вы такое говорите?!

Фаина Ивановна взглянула на нее со странным выражением: с жалостью, что ли?

– Слушай, я вижу, ты девушка хорошая, а если в беду попала, так ведь с кем не бывает, – проговорила она ласково, а что вдруг перешла на «ты», так это Ольге было куда привычней, чем «выканье»! – Мужа у тебя никакого нет, это дураку понятно. Да что ж? Со мной самой такое случилось в молодости. Едва не погибла, но одна добрая женщина мне помогла с голоду не умереть. С тех пор я тоже стараюсь помогать глупым девчонкам, которые увязли в своих бедах. Ты вот что, Оля… Если плохо тебе придется – ну мало ли что, денег нет, жить негде станет, просто отчаешься, – приходи ко мне, помогу. Я живу в Плотничном переулке, дом восемь. Это почти что на углу Сергиевской, то есть теперь Урицкого, тьфу, никак не запомню, – и Почайны. Вход у нас со двора, через сад. Приходи в любое время, а если меня вдруг не окажется, назови себя – домработница пропустит. Я ей скажу, что ты придешь.

– Почему вы так думаете? – изумилась Ольга.

– Да что я, жизни не видала? – снисходительно усмехнулась Фаина Ивановна и, подхватив свой саквояж и сумочку, вышла из купе.

Ольга осторожно села, прижимая к себе уснувшую Женю.

Хотелось остаться в этом уютном, чистом, богатом купе, отодвинуть в неопределенную даль встречу с родными и необходимость что-то объяснять, а главное – заботиться о завтраш-

---

[17] В СССР в описываемое время была шестидневная неделя: каждый шестой день считался выходным, независимо от того, воскресенье это, среда, понедельник и т. д. То есть выходные в каждом месяце были известны заранее: 6, 12, 18, 24, 30-е числа. 1 марта использовалось вместо 30 февраля, каждое 31-е число рассматривалось как дополнительный рабочий день. Возврат к семидневной неделе произошел только 26 июня 1940 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Однако рабочая неделя еще долгое время начиналась с воскресенья, а не с понедельника.

[18] В те годы некоторые улицы Горького не имели названий и нумеровались линиями.

нем дне. Устраиваться на работу, искать няньку для Жени… Но при одной мысли, что придется отдать девочку под присмотр кому-то другому, у Ольги сжималось сердце и начинало стучать в висках, слезы так и подкатывали к глазам! Только уверенность, что она никогда не должна покидать Женю, придавала сил!

– Гражданочка! – сунулся в дверь проводник. – Вы еще здесь? Да нас же сейчас в депо отгонят – оттуда своими ногами не выберетесь!

Ольга накинула на плечи лямки рюкзака, схватила чемоданчик и, одной рукой прижимая к себе Женю, кинулась вон из вагона.

Москва, 1937 год

Ромашов никогда не был сильным медиумом, даже в лучшие времена, а тем паче теперь, однако даже ему не составляло труда принять мысленные излучения начальника 18-го отделения милиции, в кабинете которого он сидел, а выражаясь попросту, понять, чего больше всего на свете хочет майор Савченко. Он не просто хочет – он страстно мечтает, чтобы этот невысокий кряжистый лейтенант госбезопасности, который внезапно ввалился к нему в кабинет, так же внезапно из него и вывалился бы. Но нет – сидит, щурит покрасневшие, словно обожженные глаза и не перестает нудно выспрашивать про каких-то детей, которые должны были почему-то оказаться на месте убийства неизвестных, которое произошло минувшей ночью. По званию начальник отделения был старше[19], и гость прекрасно понимал, что майор непременно выставил бы его за дверь, однако принадлежность лейтенанта к ведущему подразделению всесильного НКВД требовала от майора милиции если не полного подчинения, то беспрекословного содействия.

Стоило Ромашову упомянуть о детях, как Савченко встрепенулся:

– Если вы знаете о детях, получается, знаете, и кого там убили? А то, сами видите, у нас в деле так и значится: убийство неизвестных. – И он показал на папку, лежащую у него на столе.

Ромашов качнул головой:

– Нет, мне тоже неизвестны личности убитых. Однако есть сведения, что их видели накануне убийства с детьми на руках.

– Кто видел? – спросил Савченко.

– Некий наш сексот[20], который случайно оказался на этом месте. Затем он последовал своим путем, а когда узнал о случившемся, сообщил мне о том, что мог наблюдать, – спокойно соврал Ромашов.

– Вы абсолютно доверяете этим сведениям? – со скептическим выражением лица спросил Савченко.

– Во всяком случае, я должен их проверить.

– Ну и… – начал было Савченко, однако тотчас умолк.

Впрочем, Ромашову не составило труда догадаться, о чем хотел спросить майор: «Ну и какое вам дело до детей каких-то людей, которые, как вы уверяете, вам совершенно неизвестны? Хоть убейте, не поверю, что вы пришли ко мне из чистого милосердия!»

– Понятно, – наконец заговорил Савченко, – вам необходимо знать, куда могли подеваться дети.

– Совершенно верно, – согласился Ромашов.

Лицо Савченко приняло тоскливое выражение:

– Послушайте, вы же знаете, где находится наше отделение…

– Конечно, знаю, поскольку я именно здесь и нахожусь, – ответил Ромашов.

---

[19] В описываемое время звание «лейтенант госбезопасности» соответствовало общевойсковому званию «капитан».

[20] Общепринятая в советское время аббревиатура, которая расшифровывалась как «секретный сотрудник». В быту была синонимом слова «доносчик».

«Шутник хренов!» – сердито подумал Савченко и ошибся. Ромашов никогда не шутил. Того, что называется чувством юмора, ему при рождении не было отпущено ни грамма, ну а события его жизни и, разумеется, место службы к шуткам вообще никак не располагали. Он просто констатировал факт.

– Это же Колхозная площадь, это такое тырло! – воскликнул Савченко. – Здесь ни минуты спокойной. За минувшую ночь два убийства: известное вам на Сретенском, да еще почти в то же самое время в ресторане на Садовой-Самотечной, женщину зарезал ревнивый любовник и сбежал. А кто будет искать? Савченко! Восемнадцатое отделение! А днем иногда кажется, что сюда все ворье московское нарочно собирается. Конечно, ведь раньше это была Сухаревка – самое воровское толковище! Щипач на щипаче! Вздерщик на вздерщике! Лебежатник на лебежатнике! Сумочник на сумочнике! А съемщики[21]?! Цирк, да и только! Вот только что перед вашим приходом доложили: шел трамвай номер тридцать пять, в вагоне было душно, женщина открыла окошко, высунула руку… Трамвай притормозил, и в эту минуту подбежал какой-то съемщик, сорвал с руки часы и колечко – да и исчез. Видели вы такое?! И это на двадцатом году Советской власти!

– Да, недорабатывает наша милиция, – холодно произнес Ромашов, но майор немедленно огрызнулся:

– Недорабатываем исключительно из-за недостатка кадров! Часть моих людей работает в ресторане, часть разбирается с соседями этой зарезанной женщины. У меня сейчас нет лишних людей даже для того, чтобы как следует заняться установлением личности тех двух убитых на Сретенском бульваре. Надо пройти столько домов, опросить дворников, управдомов, председателей жилтовариществ! Надеюсь, конечно, подключится МУР, но пока что не подключился. А вы хотите, чтобы я бросил кого-то и на поиски новорожденных. Тогда придется проверить детские дома, родильные дома – куда обычно подкидышей девают? Надо опросить таксистов и извозчиков – вдруг детей увезли на каком-то транспорте, надо…

– Не надо, – резко сказал Ромашов, поднимаясь. – Ничего этого делать не надо, товарищ майор милиции. Продолжайте заниматься своими повседневными делами. Я уточню сообщение моего сотрудника. Если оно подтвердится, я вернусь. Если нет, значит, произошло некое кви… – Он поперхнулся, чуть не ляпнув «quid pro quo»[22]: латынь, некогда изучаемую весьма прилежно, оказалось забыть так же невозможно, как и многое другое из его прошлого! – И неловко выправился: – Кхе-кхе… некое недоразумение. Да, вот еще что… О моем появлении настоятельно прошу забыть.

– Само собой, товарищ лейтенант госбезопасности, – почти радостно ответил Савченко, чуть приподнимаясь за столом, но не затрудняясь прощально козырнуть: во-первых, фуражка лежала на столе, а к пустой голове руку, как известно, не прикладывают, а во-вторых, энкавэдэшник явился в штатском, так что обойдется, детолюбивец несчастный!

Когда Ромашов уже закрывал за собой дверь, на столе начальника зазвонил телефон, и, судя по его раздраженному: «А где я вам людей возьму для облавы? Рожу, что ли?!» – стало понятно, что «тырло» и его обитатели обрушили на майора новые хлопоты. Это не могло не радовать Ромашова, поскольку означало: Савченко и без всяких просьб забудет о его посещении и расспросах про каких-то там неведомых детей.

Москва, 1916–1917 гг.

…Когда Гроза очнулся, рядом сидел Алексей Васильевич.

---

[21] Щипач – карманник, карманный вор. Вздерщик – тот, кто мошенничает при обмене или размене денег. Лебежатник – вор, крадущий у пьяных. Сумочник – тот, кто вырывает на бегу у людей сумки или кошелки. Съемщик крадет наручные или карманные часы.

[22] Quid pro quo – недоразумение *(лат.)*.

– Как себя чувствуешь? – спросил он. – Почти два дня без памяти лежал – долгонько! Я доктора звал, а он говорит, что ты сам очухаешься или не очухаешься вообще. Ну, как ты?

– Да ничего, – пробормотал Гроза. – Немножко голова болит да глаза щиплет, а так ничего.

– Так же, как в прошлый раз? – спросил Алексей Васильевич.

– В какой в прошлый раз? – удивился Гроза.

– Когда медведицу прогнал. Помнишь?

Гроза покраснел:

– А ты откуда знаешь, дядя Леша? Я ничего никому не рассказывал.

– Ну, голова у меня для чего на плечах? – усмехнулся Алексей Васильевич. – Чтобы думать, правда? Вот я и думал. И вспомнил кое-что… В одна тысяча восемьсот восемьдесят четвертом году – я еще совсем молодой был! – приезжала в Москву одна фокусница – мисс Анна Фэй. Я тогда служил младшим гардеробщиком в Благородном собрании, ну и пробрался хитростью на ее выступление. Краем глаза смотрел, но много чего увидел. Она умела предметы двигать только взглядом. Ей связывали руки для верности, однако на что она только посмотрит, то и начинает летать в воздухе. А ножницы сами собой фигурки из бумаги вырезали! В публике кричали, что все это подстроено, однако потом некоторых пустили на сцену – и все могли убедиться, что дело чистое, без обмана!

Гроза смотрел с интересом. Алексей Васильевич развел руками и продолжил:

– Может быть, кабы с чужих слов я это слышал, так и не поверил бы, но я видел сам. Если можно заставить взглядом предметы летать, то, наверное, можно заставить и медведицу вспять повернуть, и господина Дурова отшвырнуть, да еще передумать ему велеть! Значит, у тебя дар есть, Гроза! Дар особенного взгляда! Слышал слово такое – магнетизер?

– Нет, – качнул головой Гроза, у которого от выражения лица Алексея Васильевича дрожь по позвоночнику прошла.

– Таинственное слово! И в тебе какая-то тайна есть… Маша-покойница, царство ей небесное, – Алексей Васильевич быстро перекрестился, – рассказывала, что в тебя молния ударила. Перст Божий указующий это был, вот что такое. Отмечен ты. Даром наделен. И должен этот дар с толком использовать. Чтобы от него людям была великая польза! Понял?

– Ну да, я понял, – растерянно промямлил Гроза. – Только я сам не знаю, как это получается. Вроде бы я должен очень испугаться… или сильно захотеть чего-то…

– Ишь ты, – ухмыльнулся Алексей Васильевич. – А когда людям говорил про лужи на сиденьях, это что было? Со страху или как?

– А, ну это баловство, – весело отмахнулся Гроза. – От этого голова самую чуточку болела, я даже внимания не обращал.

В это мгновение кто-то позвонил в парадное, и Алексей Васильевич пошел открывать.

А Гроза встал, подержался за гудящую голову, пока она не перестала идти кругом, и потихоньку начал одеваться. Ему до смерти хотелось увидеть Марианну!

Может быть, она бросит случайный взгляд из окошка и заметит его. Может быть, она даже скажет ему спасибо. Хотя она, наверное, вообще не поняла, что произошло, почему Дуров вдруг передумал и отдал ей Белоснежку.

Ну и ладно, Гроза вполне обойдется без всякой благодарности. Главное – увидеть ее!

Он мчался к заветному переулку, однако с каждым шагом радость ожидания встречи с Марианной гасла, а на смену ей приходила странная печаль. Чудилось, он не приближается к ее дому, а удаляется от него!

Хотя нет, что за ерунда? Вот он, этот дом, вот эти окна… только они темны! Шторы плотно задернуты, а за рамы заткнуты билетики с надписями: «Сдается внаем». Гроза стоял совершенно растерянный, не веря глазам, все думая, что это ему мерещится, как вдруг суровый мужской голос окликнул его:

– Эй, чего надо?

Гроза оглянулся – да так и ахнул.

Городовой! Усатый, широкоплечий немолодой и суровый, в суконной гимнастерке, с револьверной кобурой на оранжевом шнуре, шашкой на боку и остроконечной бляхой на фуражке! На бляхе номер 586.

– Чего надо, спрашиваю?!

– Да так, ничего, – неровным голосом ответил Гроза. – Просто смотрю.

– А для чего тебе в чужие окна смотреть? – спросил городовой.

Гроза прикинул, удастся ли удрать. Может, и удастся, может, городовой не успеет его сцапать, а толку что? Ему надо узнать, где Марианна…

– Да я тут видал такую собачонку смешную, – промямлил Гроза. – Беленькую. Кажись, Белоснежкой ее звали. С ней гуляла барышня такая… красивая…

Он надеялся, что голос его не дрогнул при этих словах.

– А, вон как, – кивнул городовой, и Грозе показалось, что выражение его сурового усатого лица смягчилось. – Уехала барышня. Еще третьего дня.

Гроза покачнулся:

– Как уехала?! Почему? Куда?

– В Пермскую губернию, – ответил городовой. – На поселение.

– На поселение?!

Гроза ничего не понимал. На поселение ссылали политических, врагов престола, смутьянов, агитаторов и мятежников – крамольников, как их называл Алексей Васильевич. Но какая же Марианна крамольница?

– За что ее?!

– Да она тут ни при чем, – пояснил городовой с сочувственным выражением. – Отца ее сначала в тюрьму посадили, потом сослали. Он, Виктор Степаныч, господин Артемьев, человек-то хороший, я его издавна знаю, да вот шибко умственный. От большого ума и пошел по скользкой дорожке. Виданное ли дело – начал баламутить народ против царя-батюшки! Да не бывало такого, чтобы Россия без государя жила! Не бывало и не будет никогда, сколько бы ни швыряли вредных листовок и ни орали на перекрестках! Аминь! – Городовой перекрестился. – Ну и загремел Виктор Степаныч, как говорится, по Владимирке…[23] Дочка с ним уехала. А собачонку свою беленькую сестрице отдала. Двоюродной сестрице. Может, видал ее? С косами длинными, зеленоглазая такая… Лиза ее зовут. Лиза Трапезникова. Они с отцом где-то в Китай-городе живут. И велосипед, поди, свой туда же отправила.

– Какой велосипед? – тупо спросил Гроза.

– Ну такой… с двумя колесами. – Городовой покрутил перед собой руками, словно держался за руль. – Марианна-то Викторовна, что ни утро, по бульварам на своем велосипеде колесила. Для променаду. Эх, картина – умопомрачительная! – Городовой даже присвистнул от восхищения. – Волосы летят по ветру, юбка развевается, ножки, понимаешь, все на виду… – Он смущенно хмыкнул. – А позади эта собачонка несется, лает, что колокольчик заливается. Неужто не встречал никогда?!

Гроза горестно покачал головой.

– Ну, теперь уже не встретишь. Уехала она, понял?

– Понял, – ничего не соображая от горя, кивнул Гроза. – Понял…

– Ну, тогда иди отсюда, ежели понял, – посоветовал городовой.

И Гроза послушался. А что ему еще оставалось делать?

Он брел домой со страшным ощущением, что все беды мира вновь сгустились вокруг него, как было после смерти Маши.

---

[23] Владимирский тракт – дорога, по которой исстари направлялись обозы со ссыльно-каторжными в Сибирь.

Марианна, Царевна Лебедь! Увидит ли он ее хоть когда-нибудь?

Впереди, казалось, нет никакой радости – только тоска…

А времена менялись – менялись стремительно.

Внезапно грянула весть, что случилось невероятное: царя скинули! Государь-император, властитель и самодержец российский, отказался от своих подданных, от своей страны, отрекся от престола, да не только за себя, но и за своего сына! Россия осталась обезглавленной, растерянной. Осталась сиротой.

Гроза думал, что произошло нечто страшное, немыслимое. Так же казалось и Алексею Васильевичу. В тот день, когда пришла эта новость, он постарел лет на десять и снова слег, как после смерти Маши.

Гроза открывал и закрывал двери, мотался по дому, выполнял поручения жильцов, ухаживал за Алексеем Васильевичем, бегал в очереди за продуктами и лишь мельком замечал то, что происходило в городе.

Казалось, чуть ли не вся Москва бросила свои дела и шляется нынче где попало. Не было такой улицы, где не волновалось бы море людей! Все куда-то идут, зачем-то стоят, почему-то машут шапками, платками, что-то кричат… С вывесок снимали гербы, с присутствий удаляли не только портреты Николая Второго, но и его предков. Про бывшего царя, его семью и двор писали в газетах невообразимые гадости, особенно в «Московском листке»: разносчики выкрикивали такие заголовки, что слушать было тошно!

Однажды Гроза увидел, как по улицам провели арестованных полицейских и городовых. Они больше были не нужны: в Москве организовывалась милиция. Шли они с жалким видом, безоружные, без ремней, бляхи с шапок вырваны. Мальчишки орали вслед:

– Дядька, где твоя селедка? Уплыла? Хочешь, тебя в Москву-реку кинем? Авось поймаешь!

«Селедкой» презрительно называли шашки городовых.

Гроза вглядывался в лица арестованных, силясь высмотреть того человека, который рассказал ему о ссылке отца Марианны. Но не мог узнать – не запомнил его лица, помнил только, что бляха 586. Что это он тогда говорил?.. «Не бывало такого, чтобы Россия без государя жила, и не будет никогда, сколько бы ни швыряли вредных листовок и ни орали на перекрестках!»

Эх… Зря говорил! Вот же оно настало – безцарствие, безгосударствие! Что теперь станется со страной, с этим городовым, с самим Грозой и с Алексеем Васильевичем?

Чем дальше шло время, тем тяжелее становилось жить. Осенью ввели хлебные карточки, но хлеба по ним выдавали мало и со всякими примесями. Конечно, в магазинах можно было много чего купить, но цены там не просто кусались, а, можно сказать, грызлись! Даже в Охотном ряду, где все покупалось из первых рук и считалось выгодным, фунт[24] черного хлеба стоил 12 копеек, булка из какой-то серой муки – 17, за курицу просили девять рублей; мясо стоило чуть не три рубля за фунт, стакан молока, разбавленного водой, – 20 копеек, один соленый огурец – пятак…

А стоило подойти к магазинной витрине, как глаза и вовсе на лоб лезли: башмаки стоили 200 рублей, мужской костюм – 500–900 рублей…

Гроза и Алексей Васильевич жили теперь скудно. Чаевых от жильцов перепадало совсем мало, поручений никаких не давали, ну вот разве изредка пошлют к разносчику за газетой. Жалованья Алексею Васильевичу домохозяин больше не платил: он ведь больной лежал, работать не мог.

[24] Фунт – примерно 450 грамм.

– Еще спасибо скажи, что оставляю тебя здесь, а не выкидываю на улицу и не беру нового швейцара, – сказал он, заглянув как-то к больному. – А то куда бы ты подался? А так… лежи покуда…

– Покуда не помру? – спросил задыхаясь Алексей Васильевич.

– Ну, так, что ли, – кивнул домохозяин, выходя.

– Ничего, Гроза, – пробормотал Алексей Васильевич, – ради тебя я постараюсь, поживу еще.

Ну, хоть о крыше над головой можно было не беспокоиться, спасибо на том. А вот деньги таяли… Чтобы заработать, Гроза решил наняться куда-нибудь. «Мальчики», слышал он, всегда нужны были в трактирах. Хорошо бы получить работу и попросить хоть сколько-нибудь денег в счет будущего жалованья. Надо хорошей еды Алексею Васильевичу купить, а то все только постная пшенная каша, от нее уже с души воротит!

Гроза дождался, пока больной уснул, и выбрался из дома.

На улицах было малолюдно, неспокойно. Где-то неподалеку постреливали…

На счастье, трактиры работали. Гроза пришел в один – его с порога погнали: нету, дескать, места. В другом долго ждал хозяина; наконец тот вышел, смерил мальчишку взглядом:

– А ну, надуй щеки!

Гроза так удивился, что послушался. А хозяин вдруг как хлестнет его сначала по правой, потом по левой щеке, да сильно!

Гроза отпрянул, отер глаза, на которых слезы выступили:

– Вы что делаете, дяденька?!

– А что? – равнодушно спросил хозяин. – Больно, что ли?

– Больно! – воскликнул Гроза.

– Ну так и ступай отсюда, коль тебе больно, – брезгливо сказал хозяин. – Ты мне не нужен. Для работы этой не годен. Знаешь, какой посетитель нынче пошел? Не только по щекам отхлещет, но еще и морду горчицей измажет да окурки жрать заставит, а ты не моги спорить, если ему так угодно. Кто денежки платит, тот любую пакость себе может позволить! Ты должен был сказать мне, что тебе не больно, что все хорошо – тогда бы я тебя взял. Понял?

Гроза кивнул.

– Иди отсюда! – махнул рукой хозяин.

Но Гроза не ушел. Он уставился в глаза хозяину и смотрел, смотрел…

– Ой, жжется! – крикнул вдруг трактирщик тонким голосом. – Ладно, бери, бери!

И сунул Грозе пятирублевку.

Тот взял ее дрожащими руками и вышел на заплетающихся ногах, чувствуя, что в любое мгновение может повалиться без чувств. В глазах рябило, колени подгибались, вдобавок тошнило до рвотных спазмов. Но надо было как-то ухитриться дойти до дому, купив по пути еще и еды.

Внезапно кто-то крепко взял его за плечо, и Гроза сквозь муть в глазах увидел смуглое мальчишеское лицо с черными изумленно вытаращенными глазами. Мальчишка был обтрепанный, тощий, выглядел как нищий с Хитрова рынка!

– Пусти, – пробормотал Гроза. – Не отдам!

Показалось, мальчишка хочет отнять деньги.

– Дмитрий, это ты? – спросил мальчишка, немного странно выговаривая слова. – Не узнал? Это я, Вальтер! Помнишь, мы ходили в зоо с Готлибом?

Гроза теперь сам ухватился за его плечо, чтобы не упасть.

– Вальтер! Помню… – выговорил с трудом. – Гипноз… медведица… помню.

– Ты что, болен? – с тревогой спросил Вальтер. – Хочешь, до дому тебя доведу?

– Доведи, – слабо кивнул Гроза. – Но сначала надо еды в Охотном ряду купить. У меня дядя Леша больной лежит.

– Я тебе помогу, – вызвался Вальтер. – Только знаешь что? Ты меня Володей зови.

– Почему? – тупо спросил Гроза.

– Потом скажу, – буркнул Вальтер. – Пошли.

Гроза смутно помнил, как они добрели до Охотного ряда, как бродили среди немногочисленных торговцев, которые поглядывали на него подозрительно и спрашивали, не заразно ли болен парнишка. Странно, что пальбы, которая то приближалась, то отдалялась, они боялись меньше, чем какой-то заразы.

Вальтер очень деловито выбирал продукты, торговался за каждую копейку, словно заправская кухарка, всю сдачу собрал и честно положил Грозе в карман тужурки. Наконец они поплелись проулками на Арбат, домой. Дороги Гроза вообще не помнил, потом выплыло из мрака испуганное лицо Алексея Васильевича, долетел голос Вальтера, который ему что-то объяснял, – и все опять ушло во мрак.

Гроза пробыл без памяти сутки; может, пролежал бы и дольше, однако очнулся от грохота. Открыл глаза и обнаружил, что лежит не на своем топчане в швейцарской, а на тюфяке, брошенном на пол в крошечном коридорчике, отделяющем швейцарскую от общего коридора в парадном. Рядом лежал очень бледный Алексей Васильевич, между ними скорчился Вальтер. Тут же стоял жестяной чайник с водой, корзинка с какой-то едой. А за стеной грозно бухало и грохотало.

– Что это? – спросил Гроза, еле шевеля пересохшими губами.

– Революция, – угрюмо буркнул Вальтер. – Бои в Москве идут.

– Крамольники против власти пошли всем скопом, – хрипло выговорил Алексей Васильевич. – Погибла Россия…

Он задремал; мальчики тихо переговаривались. Вальтер рассказал, что отец после гибели Готлиба забирал его в Петербург, а когда царя скинули, снова отправил в Москву, к сестре, в надежде, что в Москве спокойней, чем в кипящей столице. Но теперь, видно, нет в России места, где спокойно, – разве что где-нибудь в глухом лесу. Несколько дней назад в дом к тетушке Вальтера пришли страшные люди, которые называли себя большевиками, и устроили обыск. Знали, что она – немка, еще удивлялись, что ее до сих пор не выгнали из Москвы. Тетя испугалась их так, что начала кричать, мол, ее брат служит в посольстве Германии в Петербурге!

– Никакого Бурга теперь в помине нету, Петроград надо говорить, поняла? – прервал ее один из незваных гостей, а потом выпалил ей в лицо.

Она упала замертво, а Вальтер не помня себя бросился бежать. Бродил два дня, спал на Гоголевском бульваре под скамейкой. Возвращаться было страшно… Но один раз решился, прошел мимо тетушкиного дома: там сновали какие-то военные. Штаб, что ли, устроили?.. Соваться туда было смертельно опасно. И он опять ушел. Несколько дней скитался, голодал, даже воровал хлеб с лотков у булочных, обтрепался весь. Ходил по вокзалу, все думал, как пробраться к отцу, но на это надежды не было никакой: кругом стояли солдаты, даже в ящик под вагоном не залезешь, да и страшно – в ящике-то! За это время он прочно усвоил: о том, что немец, надо накрепко молчать и зваться Володей, а никаким не Вальтером. И когда увидел Митю, очень обрадовался…

– И это они еще к власти полностью не пришли! – шептал Вальтер, задыхаясь и мрачно мерцая глазами. – Просто заявились в чужой дом и убили тетю… А что будет, когда власть возьмут?! Они всех начнут прямо на улице к стенке ставить!

– Погибла Россия! – словно в бреду простонал свое неизменное Алексей Васильевич.

Горький, 1937 год

Пустота привокзальной площади Горького по сравнению с Москвой в первую минуту ошеломила Ольгу. Впрочем, и тут можно было увидеть один-два таксомотора с большими

номерными знаками около ветровых стекол, ну а в извозчичьих пролетках и телегах недостатка вообще не было!

На извозчике доехать до дому – не меньше полутора рублей выложить, прикинула Ольга. Нет уж, всяко надо идти на трамвай! И она с самым неприступным видом перешла площадь, чтобы не цеплялись извозчики, а потом по улице Канавинской добежала до угла Новинской, где находилась трамвайная остановка.

Повезло, что «однёрка» подошла сразу, однако по случаю выходного дня народу в вагон набилось множество. Ольга отвыкла ездить в трамвае пассажиркой и поначалу растерялась было, но все же ей кое-как удалось протиснуться в укромный уголок и отвернуться к окну, прикрывая собой ребенка.

Кондукторша надсаживалась, требуя передать деньги за проезд. Какой-то мужик визгливо кричал, уверяя, что в этой давке нет у него возможности достать деньги, запрятанные в сапог.

– А пока на остановке стоял, чего не достал? – заорала кондукторша, и Ольга тихонько засмеялась, вспомнив, сколько раз ей самой приходилось вступать в такие пререкания. Да, не только в Москве кое-кто норовит проехать бесплатно!

Однако она и сама не могла вытащить деньги из рюкзака! На счастье, ей уступили место – с той стороны вагона, которая была обращена к автомобильной дороге.

Ольга передала кондукторше пять пятаков.

И не без удовольствия принялась смотреть в окно. Конечно, Нижний, то есть Горький, по сравнению с Москвой казался большой деревней, а все же родной город, и она порядком по нему соскучилась.

С нежностью взглянула на великолепное здание бывшего Александро-Невского собора на Стрелке. Теперь здесь разместились какие-то склады, а красоту собора изуродовали многочисленными пристройками, в которые переселили людей с окраин. Ходили слухи, что эти новые жильцы пустили на дрова иконостасы и все деревянные украшения собора. Однако прихожане смогли украдкой вынести несколько икон, в том числе икону Божьей Матери и Животворящий Крест. Вроде бы их спрятали в Высокове, в тамошней церкви, однако точно Ольга не знала.

На Стрелке, как всегда, стремились друг к дружке волны Оки и Волги, и был отчетливо виден водораздел, а потом, чуть дальше, они сходились, и вольная Волга широко разливалась в берегах.

Красота… в Москве такой реки нет! Не река, а речища!

Ольга и не заметила, как доехала до своей остановки. Отсюда до дому идти было минут двадцать, не меньше, а Ольга и проголодалась, и пить хотела, и не выспалась – словом, она не выдержала и села в весьма кстати подкатившую извозчичью пролетку, тем более что удалось сторговаться всего за двугривенный.

Ну, вот наконец и дом. Подходя к калитке, Ольга взглянула на окна второго этажа, где находилась их квартира, и удивилась: какие-то незнакомые занавески…

Неужели мачеха решила хоть как-то украсить их неказистое жилье?! Сколько себя помнила Ольга, каждая тряпочка в доме была сшита, вышита или связана мамой, великой рукодельницей. Мачеха же беспрестанно охаивала то, что осталось от ее предшественницы, однако ничего не меняла, ибо руки у нее были совершенно как крюки. К тому же она была скупа до дрожи. И вдруг – новые занавески!

– Вот те на! – раздался голос рядом, и Ольга чуть не выронила чемодан.

На нее, уперев руки в боки, смотрела соседка с первого этажа: широкая, словно баржа, и громогласная, как буксир на ночной Волге, Акулина Никодимовна – тетя Акуля, знаменитая на весь квартал ругательница. Конечно, за спиной все звали ее Акулой. Она с удовольствием

обгладывала косточки и соседям, и прохожим, и знакомым, и незнакомым, и даже киногероям, воспринимая их как живых, реальных людей.

– Явилась! Ну и хватило же совести! – воскликнула тетя Акуля, глядя на Ольгу со жгучим осуждением.

Та машинально поставила чемодан и прижала к себе Женю обеими руками.

– Вот! – завопила тетя Акуля еще громче. – Как выгнал ее хахаль, так вспомнила про родимый дом, а что отца без нее хоронили, так это ничего?!

– Что? – слабо выдохнула Ольга.

– Ой, что-что! – передразнила соседка. – Будто не знаешь! Сколько тебе телеграмм Ирина Петровна слала, а ты ни ответа, ни привета!

Ольга только глазами хлопала. Мачеха слала ей телеграммы о смерти отца?!

– Я ни одной не получила, честное слово… – пролепетала она. – Папа умер… Господи! Да когда же, когда?!

– Да уже месяца четыре тому. В феврале, никак? Хотя вру – в конце января. В Марьиной Роще похоронили. Иринушка-то слезами пообливалась, а потом сменяла комнаты ваши да выехала отсюда.

– Как сменяла? Обе комнаты? А как же я?!

– А ты что? – пожала широкими плечами тетя Акуля. – Ты же в Москву подалась! Здесь ты уже выписана, ты здесь никто! Отрезанный ломоть. Управдом предупредил мачеху твою, мол, в связи со смертью мужа у вас освободилась жилищная площадь, будем вас уплотнять! Ну она, не будь дурой, поменялась с одними из Лапшихи. Им на четверых две ваши комнаты, а ей четверть дома. Все довольны.

Ольга стояла столбом.

Да что же это получается?! Отца без нее похоронили… Хоть всегда и во всем принимал он сторону властной жены и относился к дочери очень холодно, все же это был единственный Ольгин родной человек! И еще новость – мачеха переехала. Где ее теперь искать? Почему она ничего не сообщила Ольге? Не может быть, чтобы не приходили письма и телеграммы, всем в общежитии приходили, только ей нет! Может, мачеха адрес перепутала?

Нет, вдруг поняла Ольга, ничего Ирина Петровна не перепутала – она просто не писала в Москву, не слала никаких телеграмм. Ни о смерти отца, ни о переезде. Она вычеркнула Ольгу из своей жизни раз и навсегда.

– Тоже, знаешь, хороша пташка Ирина-то наша Петровна, – донесся до нее голос тети Акули. – С обменом ей знаешь кто помог? Полюбовник! Не успели отца твоего схоронить, как начал к ней похаживать какой-то… В Лапшихе, якобы, в мастерской какой-то работает. Ну, он ей и с обменом помог, и туда перевез. Теперь у них на двоих полдома! Ирина всех на новоселье сулила пригласить, да куда там! Даже адреса не оставила. Смех один – я же могла его у новых жильцов взять, кабы хотела. Ан нет, не захотела. Незваная по гостям отродясь не хаживала!

– А кто теперь в наших комнатах живет? – еле шевеля языком от навалившейся вдруг безнадежности и усталости, перебила Ольга. – Может быть, там какие-то вещи мои остались?

– Ничего не осталось! – замотала головой тетя Акуля. – Все подчистую Ирина Петровна вывезла, выгребла. Да их и дома нету, Хорошиловых-то этих. Еще с вечера собрались да отправились к родне в Кузнечиху. Только утром завтра приедут, чтоб на работу сразу.

Ольга с трудом сдерживала слезы.

Да что же это, что же?! Она теперь бездомная, так получается? Даже если она и узнает адрес мачехи, та ее на порог не пустит, это совершенно ясно… По установленному порядку, едва прибыв в другой город, человек обязан в двадцать четыре часа сдать паспорт на прописку. И куда же Ольге теперь прописываться?! Некуда. С ребенком на руках, без денег… Нет, деньги пока есть, но надолго ли их хватит? Что делать? Что делать? Не в гостиницу же идти!

Может, попроситься к тете Акуле на постой – пока не получится как-то разобраться с жильем, снять комнату? Но у соседки тесная, сырая, захламленная комнатушка окнами чуть ли не в землю. Женечке там плохо будет. К тому же тетя Акуля замучает Ольгу любопытными расспросами! Врать Ольга никогда не была горазда, а правду не скажешь.

Нет, к тете Акуле нельзя. К бывшим подружкам? Да Ольга не виделась с ними уже давно, к тому же и у Клаши, и у Мани всегда в квартирах была теснота-теснотища, жили на головах друг у друга. Куда с ребенком-то к ним?

Господа, господи…

Женечка вдруг завозилась, закряхтела, явно просыпаясь. Да, это ангел Божий, а не ребенок: не кричит, не капризничает, спит себе потихоньку, но не может же она спать без просыпу, ей в свое время хочется есть. Что же делать?!

– А папка у твоего ребеночка кто был? – в эту минуту с жадным, людоедским любопытством спросила тетя Акуля, и Ольга поняла, что не останется здесь ни на минуту! Уж лучше она сядет где-нибудь под забором в траву и там перепеленает и покормит Женю, чем отдаст себя на поживу этой тетке. И это еще скажи спасибо, что она пока одна, другие соседки не налетели!

Не говоря ни слова, Ольга повернулась и побежала по улице, повернула к Оперному театру, прикинув на ходу, что на его широком просторном крыльце будет очень удобно устроиться с Женечкой. Хотя там маячил милиционер…

Вдруг за спиной зацокали копыта и послышался громкий голос:

– А не подвезти ли тебя сызнова, мамаша?

Ольга обернулась и с изумлением увидела того же самого извозчика, который подвез ее от трамвайной остановки.

В самом деле – она покормит Женю в пролетке, немного передохнет, соберется с мыслями, решит, что делать.

– Подвезите, – пробормотала она, забираясь в пролетку.

– Куда прикажете? – спросил извозчик.

– Поехали пока по городу, – отмахнулась Ольга, торопливо разворачивая мокрые Женины пеленки.

– Покатаемся, что ли? – ухмыльнулся извозчик. – А у тебя денежки-то есть – за катание платить?

– Есть, есть! – Ольга показала трешницу. За эти деньги можно было исколесить полгорода – если в Сормово не ехать, конечно, Сормово-то далеко…

– Ну, тогда поехали, – обрадовался извозчик и понукнул лошадь.

Обмыв, перепеленав и накормив Женю, Ольга и сама подкрепилась галетами, пачка которых обнаружилась в рюкзаке, и заела яблоком, найденным там же. Поскольку Ольга ничего не ела со вчерашнего вечера, а сейчас уже перевалило за полдень, от сладких заграничных галет скоро осталась одна обертка, а от яблока – огрызок. Кто, кто положил все это в рюкзак? Кто так позаботился о Жене и о себе, словно отправлялся в дальний путь? Кому принадлежали раньше эти дорогие заграничные вещи?..

Ольга попыталась задуматься о том, что же все-таки означает появление Жени в ее жизни, откуда она взялась и как появилась на свет, однако ощутила в это мгновение такую резкую, мучительную головную боль, что стиснула виски и тихонько застонала, зажмурившись. Чудилось, на пути ее домыслов и догадок была выстроена стена, о которую те бились болезненно и бессмысленно.

В это мгновение пролетка вдруг подскочила так, что Ольга свалилась с сиденья, каким-то чудом успев подхватить Женю. Та проснулась и заплакала.

– Да ты гляди, куда едешь-то, чучело бородатое! – зашипела Ольга, успокаивая ребенка.

Извозчик обернулся с виноватым выражением:

– Да видишь ли, мамаша, тут дорогу перемащивать собрались, камней понавезли. Погоди малость, надо проверить, ободья не треснули?

Он спрыгнул наземь и побрел вокруг пролетки.

Ольга скользнула взглядом по улице, на которую завез ее извозчик.

Двухэтажные дома, окруженные просторными палисадами, стоят довольно далеко друг от друга… Сонная тишина, еле видны в свежей мураве камни старой-престарой мостовой… Сирень бушует за заборами, вырываясь там и сям на волю, куры возятся в пыли… Какая-то окраина? Но тут же взгляд Ольги скользнул по ржавой табличке на угловом доме, стоявшем несколько на отшибе: «Плотничный переулок». И цифра – 8.

Да ведь это тот самый адрес, который давала ей Фаина Ивановна!

Каким чудом Ольга здесь очутилась? Почему именно сюда доставил ее извозчик, который о Фаине Ивановне и слыхом не слыхал?! Вот так не веришь, не веришь в чудеса, а они совершаются на твоих глазах!

Конечно, можно уехать отсюда… Но куда? В термосе кончилась теплая вода, и Женю в следующий раз нечем будет помыть. Заканчиваются и чистые пеленки и подгузники. Бутылочки с молоком опустели, остались только коробки с диковинной надписью «Nestle», но что с ними делать, Ольга ведать не ведает: иностранные буквы, меленько напечатанные на коробках, ей вовек не разобрать, и не потому, что они меленькие, а потому, что иностранные!

И Ольга так устала, безумно устала… Она готова отдать жизнь за Женечку, но ребенку она нужна крепкой, сильной, а не замученной и не знающей, где голову приклонить!

Ольге не справиться одной. Им с Женей нужна помощь, нужна крыша над головой.

Фаина Ивановна предлагала помощь. Это единственный человек, к которому Ольга может сейчас обратиться!

Значит, так и надо поступить.

Она сказала извозчику, что дальше не поедет, и заплатила ему рубль, хотя это был, конечно, грабеж. Но у Ольги, во-первых, уже не было сил, чтобы торговаться, а во-вторых, все-таки именно этот извозчик ненароком помог чуду совершиться – помог Ольге найти приют.

Ольге и в голову не могло прийти, конечно, что Андреянов еще на вокзале нанял этого извозчика, чтобы тот проследил за трамваем, в который сядет девушка, вызнал ее адрес, подождал немного, и если случится так, что она куда-то решит поехать, словно невзначай попался ей на глаза и подвез бы ее к дому номер восемь в Плотничном переулке. За все это извозчику было заплачено более чем щедро – он получил аж червонец, но, понятно, взял деньги и с Ольги.

А как же? Иначе случившееся ей показалось бы очень странным! Да разве найдется извозчик, который тебя за бесплатно раскатывать будет? Конечно, нет!

Ольга выбралась из пролетки, озабоченная одним: как встретит ее Фаина Ивановна, не передумала ли проявлять гостеприимство?

Ольга обошла дом и только приблизилась к двери, как та распахнулась.

Полосатый котенок порскнул под ноги, шарахнулся с комическим испугом, скатился с крыльца и скрылся в траве.

Фаина Ивановна, облаченная в шикарное темно-зеленое кимоно с золотыми драконами и нежно-розовыми хризантемами, с головой, обвязанной такой же темно-зеленой косынкой, скрывавшей ее сожженные пергидролью кудельки, стояла на пороге, держа на отлете папироску в мундштуке. Она настолько напоминала картинку из модного роскошного заграничного журнала, что Ольга растерялась и попятилась было, но Фаина Ивановна радостно воскликнула:

– Умница, что пришла! Входи, входи скорей! Устала? Измучилась? Ничего, сейчас отдохнешь! Зина! Помогай, чего спишь?!

Прибежала немолодая, но проворная домработница, сняла с усталых Ольгиных плеч рюкзак, подхватила чемоданчик, бормоча:

– Пожалуйте во второй этаж, барышня, сей же момент я вам чайку подам, а через часик обед поспеет!

– Иди, иди, обживайся, – кивнула Фаина Ивановна, отмахивая сизый папиросный дымок, чтобы он не беспокоил притихшую Женю.

Ольга, еле передвигая ноги, потащилась вверх по лестнице, совершенно ничего не соображая от усталости, но счастливая, что нашла наконец приют.

Она уже почти поднялась на второй этаж, как вдруг раздался громкий и веселый женский смех, и молодая красавица в одной шелковой сорочке, обильно украшенной кружевами, босая, с растрепанной массой роскошных темных кудрей, вылетела на площадку. Впрочем, увидев Ольгу, она ахнула, сконфуженно улыбнулась и попятилась обратно в ту же дверь, из которой только что выскочила. Оттуда высунулась волосатая мужская рука, обхватила красавицу за талию и втянула внутрь. Послышался звучный чмок, потом дверь захлопнулась и за ней все стихло.

«Видимо, Фаина Ивановна комнаты сдает, – сонно подумала Ольга. – До чего жильцы у нее веселые!»

Она обернулась через плечо.

Фаина Ивановна по-прежнему стояла на нижней площадке и пристально смотрела на Ольгу. Странное выражение было у нее… Не то довольное, не то жалостливое, не то презрительное… Впрочем, у Ольги совершенно не было сил задумываться над этим!

Москва, 1937 год

Ромашов вышел на крыльцо отделения и сморщился, потому что солнце ударило в лицо, но еще больше от досады: поход в 18-е отделение оказался безрезультатным.

Где сейчас дети Грозы? Куда успели их спрятать родители, которые знали, что от смерти их отделяют считаные минуты? Оставили на улице или в каком-нибудь подъезде? Ну, это немедленно стало бы известно милиции от бдительных граждан. Детдома, родильные дома – то же самое: если бы подкидыши обнаружились на крыльце одного из подобных учреждений, милиция была бы оповещена немедленно. Где еще стоит искать?

И вдруг Ромашова осенило.

Марианна! Почему он забыл про Марианну? Это можно объяснить только потрясением, которое он пережил вчера, и практически бессонной ночью. Марианна – двоюродная сестра Лизы. Конечно, они почти не общались, особенно с тех пор как умер Виктор Степанович Артемьев, отец Марианны и бывший руководитель лаборатории, в которой работали Гроза и его жена, однако у Лизы не было других родственников, и в минуту отчаяния она вполне могла обратиться к Марианне, которая живет на Рождественском бульваре – всего лишь двумя кварталами дальше того места, где были убиты Гроза и его жена. Лиза, конечно, не успела бы сама отнести детей к сестре, но она могла успеть позвонить ей, а еще вернее – мысленно позвать на помощь или даже приказать прийти.

Могла! У нее бы получилось!

Ромашов знал Лизу много лет, и ему всегда казалось, что она преуменьшает свои способности. В особенно злые минуты Ромашов предпочитал думать, что Лиза старается держаться в тени, чтобы ярче блистал талант Грозы, однако, если быть справедливым, этот талант блистал и сам по себе, без всякой посторонней помощи. Скорее всего, Лиза просто не хотела, чтобы ее использовали так же, как Грозу. Она ведь не простила Артемьева, и Ромашова не простила тоже… Отчасти поэтому Артемьев перевел его в оперативный отдел, предварительно запретив упоминать кое о каких деталях и его собственной биографии, и о его отношениях с Лизой и Грозой, и вообще о многих делах давно минувших дней. «Запретить» в понимании Артемьева

значило сделать мысленное внушение, нарушить которое было невозможно без произнесения сигнального слова. Собственно память Ромашова не была заблокирована: он продолжал существовать в мире своих воспоминаний, которые отнюдь не тускнели с годами, однако ни с кем не мог этими воспоминаниями поделиться, за исключением самых общих и безобидных, конечно.

Странно, что Артемьев так обошелся с человеком, который оказал ему в свое время неоценимую помощь, но при этом всячески носился с теми, кто его ненавидел: с Лизой и Грозой. Еще в далеком 1918 году Артемьев заклеймил фамилией купринского персонажа Ромашова, своего верного помощника. Этому помощнику она казалась позорной. Но прижилась навечно, так что даже мысленно он теперь так сам себя называл, хоть по-прежнему имел документы на фамилию, доставшуюся ему от родителей. Быстро изучив сущность этого человека, Глеб – Бокий тоже стал называть его так. Строго говоря, Артемьев, с его силой и возможностями, мог бы вообще заставить Лизу и Грозу забыть о том, что произошло в Сокольниках 31 августа 1918 года, тем паче, что один из них лежал тогда тяжелораненый, а Лиза была на грани безумия. Однако он этого не сделал, и единственная причина, которой Ромашов мог это объяснить, была та, что Артемьев опасался повредить их способностям. Однако для Грозы и ранение, и страшное потрясение прошли в этом смысле бесследно, а вот Лиза, Ромашов был почти уверен, сознательно стала преуменьшать свой дар, и если бы не страх, что их с Грозой разлучат, она могла бы вообще сделать вид, что лишилась всего и стала почти обычным человеком.

Каким – без всякого притворства – стал он. Ромашов…

В 1920 году Институт мозга, директор которого, Бехтерев, живо интересовался телепатией и тем, что ее порождает, командировал Барченко в Лапландию, в район Ловозера, для исследования загадочного явления, вернее, заболевания под названием «мерячение». Это явление напоминало массовый психоз, который обычно возникал во время шаманских обрядов, но иногда и совершенно неожиданно, причем не только среди местных жителей, но и среди приезжих. Люди вдруг начинали повторять движения друг друга, безоговорочно выполняли любые команды…

Барченко взял с собой Ромашова как переводчика (тот отлично знал язык лопарей), однако, конечно, рассчитывал и на его практическую помощь.

Надежды не оправдались. Лопарские шаманы называли его *курас* – пустой – и в открытую смеялись над его попытками казаться среди них своим. Тогда-то Ромашов окончательно понял, что все прежние способности им утрачены.

Почему? Неужели его настигла расплата?!

Постепенно Ромашов смирился с тем, что отныне он – всего лишь *курас*. Так что его кличка Нойд, то есть колдун, под которой он писал донесения Бокию, была всего лишь тщеславной данью прошлому. Впрочем, и сам Бокий называл себя Тибетцем в память о прошлом, когда интересовался легендарной Шамбалой и искренне верил, что может постигнуть ее чудеса и тайны…

Вдруг Ромашова сильно толкнули, и он обнаружил, что все еще топчется возле крыльца милиции, мешая тем, кто входил в дверь. Сбежал с крыльца и направился к Рождественскому бульвару, чувствуя злость, тоску и головокружение. Ну да, он забыл, когда ел. Надо зайти в какую-нибудь столовую. Поев, он хотя бы от головокружения избавится.

От прочего избавиться шансов не было никаких…

И надо появиться в отделе, конечно. Там сейчас пытаются понять, что же произошло после устранения заговорщиков. Обожженные лица сотрудников, засвеченные фотографические пластины – и никто ничего толком не может объяснить. Ромашов – мог, потому что знал, как Гроза «бросал огонь». Конечно, это было внушение в чистом виде, однако объект этого внушения не только видел самый настоящий огонь, но и какое-то время чувствовал боль, как после ожога, и даже следы на лице появлялись. А уж как горели глаза…

Он довольно долго перебирался через пути, потому что трамваи шли один за другим. Здесь сходилось не меньше полутора десятка маршрутов, и на остановках толпилось столько народу, что ограбить кого-то при желании не составляло большого труда.

Мимоходом Ромашов заглянул в грязную чайную и жадно съел три пирога с луком и яйцами, запив жидким несладким чаем.

Вышел, почувствовав себя значительно лучше.

Пройти по Сретенке Ромашову было быстрее, но здесь укладывали асфальт. Горел костер, над ним висел огромный кипящий котел, от которого исходил смрадный черный дым. Рабочие – черные, как истинные черти, закоптелые, – ворочали лопатами пузырящуюся массу в котле, раскладывали ее в меньшие котлы, а потом выливали раскаленное варево на утрамбованные участки мостовой. Мастера укатывали асфальт катушками, ползая по нему на коленях. Колени были обмотаны тряпками и лоскутами толстой кожи. Работа была, конечно, адова, да еще стояла жуткая вонища, дым, чад!

Ромашов невольно закашлялся, удивляясь, как не задыхаются рабочие.

– А между прочим, – возмущенно сообщил в пространство какой-то прохожий, тоже сердито кхекая, – я читал в газете, что в Европе асфальт варят на заводе, а потом по ночам развозят по улицам. И нет ни дыма, ни копоти!

Один из асфальтировщиков, шедший мимо с опустевшим котелком, приложил палец к ноздре, высморкался так, что содержимое его носа не угодило на штиблету недовольного гражданина только, поскольку тот оказался проворен и вовремя отпрыгнул, и лениво посоветовал:

– Вот и езжай в свою Европу. А то и на Колыму, это уж как бог даст!

Знатока европейской асфальтоукладки словно ветром сдуло, а работяга с видом победителя глянул на Ромашова. Однако тот задумчиво смотрел на огромный котел и вспоминал: когда Гроза выздоровел после ранения, он сбежал от Артемьева. Не было его чуть ли не месяц. Лиза в то время лежала в небольшой частной клинике в Гороховском переулке и ничего об этом не знала. Артемьев очень боялся, что Гроза вообще исчезнет из Москвы, однако Ромашов точно знал, что Лизу тот никогда не бросит, всегда будет где-нибудь поблизости. А еще перед самой революцией прокладывали асфальт по Садовому кольцу, и на Садовой-Черногрязской как раз остались стоять котлы, в которых теперь обитали беспризорники. Это же было в двух шагах от Гороховского переулка! И вот однажды Ромашову, которому было поручено во что бы то ни стало найти Грозу, показалось, будто тот мелькнул среди этой чумазой братии. Артемьев добился, чтобы там провели облаву. И в самом деле повезло – Гроза попался! Сообщил Артемьеву, тот тогда напрямую объявил ему: если снова сбежит, то Лиза отправится в тюрьму как дочь и пособница контрреволюционера Трапезникова, замешанного в таких делах, что одного упоминания о них хватит кого угодно к стенке поставить. И даже больную, полусумасшедшую девчонку. Гроза поклялся, что не сбежит. Собственно, именно этой угрозой расправы с Лизой Артемьев, а потом и Бокий и держали его в полном и беспрекословном повиновении. Если бы речь шла только о собственной жизни, Гроза, конечно, попытался бы сбежать, но жизнью Лизы он рисковать не мог.

– Поберегись! – заорал кто-то в самое ухо, и Ромашов шарахнулся, чуть не упал, кое-как удержался на ногах и всполошенно глянул на асфальтировщика, который волок очередной котел с раскаленной горячей массой. Застывший на месте, канувший в свои воспоминания, Ромашов мешал работе, и работяги долго хохотали вслед, когда он бросился бежать на Трубную, гоня перед собой воспоминания, которые никак не хотели его оставлять.

Москва, 1917–1918 гг.

На улице стреляли почти постоянно.

Целую неделю жили, не выходя из дома, питаясь сухарями и остатками продуктов. Сидели по-прежнему в коридорчике, где не было окон и куда не могла залететь пуля.

Однажды утром Алексей Васильевич не проснулся: тихо, спокойно отошел во сне. Гроза от горя и страха будто окаменел. Наконец сказал, что пойдет искать священника – отпеть дядю Лешу. Вальтер пошел с ним – боялся остаться один возле покойника.

Гроза знал, где живет священник: это было недалеко, – однако дом оказался пуст, окна выбиты. Две ближние церкви стояли заперты. Куда идти еще, они не знали. Спросили у какого-то человека на улице, где искать гробовщика. Тот посоветовал ловить похоронные дроги. На улицах многих прохожих побило случайными пулями, вот эти дроги и ездят там и сям, собирают мертвых. По ним-де не стреляют.

К концу дня, голодные, измученные, они все же остановили эти дроги на Волхонке и за последние деньги уговорили возчика свернуть на Арбат и забрать тело Алексея Васильевича. Его увезли в анатомический театр – Гроза не догадался спросить, где потом похоронят, а на дроги они забраться не решились: страшно было сидеть на мертвых телах! Гроза хотел идти следом, но сил не было, да и Вальтер чуть не со слезами умолял вернуться домой, не то их тоже придется похоронным дрогам подбирать: либо подстрелят, либо они просто сдохнут по пути.

Вернулись в швейцарскую, упали на пол и забылись тяжелым сном. Утром Гроза проснулся с опухшими глазами. Потрогал лицо – ему показалось, что оно покрылось соленой коркой от безудержных слез. Только во сне он и смог оплакать дядю Лешу – днем слез не было. Рыдал Гроза так горько, что даже не слышал, как всю ночь били пушки по Кремлю, по московским улицам…

Вальтер уверял, что надо куда-нибудь уходить, иначе Алексей Васильевич, непогребенный, неотпетый покойник, обязательно вернется в глухую полночную пору по их души, чтобы с собой забрать. Гроза охотно последовал бы за Алексеем Васильевичем, умерев так же, как он, во сне, тихо и спокойно, однако Вальтер здорово-таки напугал его рассказами о том, в каком виде обычно являются ожившие мертвецы и что они делают с людьми прежде, чем забрать их души.

Видеть любимого дядю Лешу в образе синюшного упыря, источающего гнилостную вонь и желающего вынуть его душу, Грозе не хотелось… Вдобавок тут явился домохозяин и выгнал мальчишек вон, настрого запретив возвращаться. Почему-то ему вбилось в голову: они, чтобы согреться, станут выламывать паркетины и жечь их в печке. То, что подобное могут содеять и квартирные жильцы, его как-то не беспокоило.

Мальчики собрали в узелки все, что оставалось от продуктов, и пошли куда глаза глядят, не ведая, где приклонят голову.

– Тебе надо было сказать, что ты ему огонь в глаза бросишь, – пробормотал уныло Вальтер, который словно забыл о том, что сам уговаривал Грозу уйти из швейцарской. – Тогда он бы нас оставил!

– Я боюсь, – тихо ответил Гроза. – Потом опять буду сутки без памяти валяться… Неизвестно, что случиться может. Ты, что ли, за мной ходить станешь?

– А почему бы нет? – с вызовом спросил Вальтер, однако черные глаза его вильнули в сторону, и Гроза понял, что на этого типа надежда плохая. Приткнулся он к Грозе случайно, держался за него только потому, что у того была крыша над головой, какие-никакие деньжата да еда, а когда всего этого не стало, Вальтер в любую минуту мог его бросить.

Ну и что? Гроза его не винил. Настали времена отчаянные…

Мальчики побрели по городу, который медленно погружался в сумерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.